

СМЕНА

2

Библиотека
ИМЕНА
В. И. Ленин

★ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ ★

Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ„

фото Р. КАРМЕН

1927
№
13
/
14

КТО И КАК ОТВЕТИЛ?

чих, где невольно поднимается флаг». (З. Вакуленко, 1 конн. полк). 2) «Читает о бесчинствах белого террора хотя бы книжку «По кровавым стопам» Стаховича». (Б. Левина, Злынка, ф-ка «Ревпуть»).

А вот ответы неожиданные, нелишенные оригинального подхода, «читатель — молодой рабочий, он читает... «Цемент» Гладко-

пал какую-то незначительную книжонку «Негрятня в купальне» Гаппа и Мизор и этим удовлетворился. Вероятно, это случилось потому, что скучную книгу бросают на первых же страницах и стараются поскорее забыть о ней.

Единственным, сколько-нибудь приближающим к истине, — приходится считать ответ О. Смирновой (Городец), которая ответила так: «читает писателя, который применяет все меры, чтобы усыпить читателя. Кто может сравниться в таком искусстве с Б. Пильняком?»

Поэтому ответ приходится считать безмянным.

«Девушка смеется, как же ей не смеяться, если она насочила на книжку Зошенко». «Девушка читает юмористические рассказы Зошенко — «Аристократка» или «Гости». «В объятиях Зошенко» и пр. — в такой, почти неизменной последовательности посыпались к нам ответы.

О книге, которую смакуют. Рис. 5

Еще более откровенно обошлось с ответами на этот портрет. «Мощи», «Мощи», «Мощи» и «Мощи» — ничего более подходящего не могли подобрать читатели, да и трудно, соглашаемся, найти. Плавает этот роман — «туша» по «всем российским» каплет из него жирище с душком. Находит любителей, для которых портрет сладострастника отнюдь не послужит пародией.

Однако, интересно отметить следующий любопытный вариант ответа: «Любитель пикантной (не говоря уже о большем) литературы неожиданно насочил на лакомый кусок... легко можно передать в словах его душевное волнение при такой оказии: «счастье подвалило! Теперь не знаешь с какой стороны его искать. В наше время все перемешалось. Беру книжку, смотрю заголовок: «Луна с правой стороны» — ну, думаю, небось, хочет, чтобы с левой была, читаю фамилию — С. Малашкин, ну, думаю, бог его знает! Разворачиваю наугад — бац, чуя — пахнет! Афинские ночи и все такое прочее! Ну, и давай я глотать!» — так пишет О. Смирнова (Городец).

Мы знаем, что тов. Малашкину такой ответ не понравится, но что же поделаешь!

О книге, от которой не оторвешься. Рис. 6

Ответы на шестой и последний портрет убедительны, просты и лаконичны. Мы выбираем два, как наиболее удачные:

«Читает книгу, по которой можно учиться не меньше, чем по политграмоте — «Железный поток» Серафимовича. Это — тяжелая правда былых дней, от которой не оторваться читателю». (Н. Глаголева, Тула).

«Боец вспоминает «минувшие дни и битвы, где вместе рубились они». Один из участников гражданской войны читает «Мятеж» Фурманова». (Красноармейцы — Флотский и Варламов).

В номере 9 «Смены» были помещены 6 портретов под заголовком «Что они читают?» По выражению лиц, изображенных на фотографии, мы предлагали нашим читателям определить название книг, увлекающих этих воображаемых читателей, и прислать в редакцию свои ответы.

Едва ли стоит говорить о том, что в этих ответах от читателей прежде всего требовались меткость, конкретность и изобретательность.

Отвечающим следовало покопаться в своей памяти, вдумчиво перебрать конкретные книги и выловить наиболее редкие и метко подходящие к рисунку названия.

Редакция не задавала загадки, редакция только подобрала подходящий типаж лиц и оставляла на свободную инициативу читателя подыскать нужные книги. Сами по себе правильные решения могли быть направлены иногда не столько на характеристику книги, сколько на характеристику читателя. Например, можно было ответить о заснувшем при чтении — такая-то книга неизбежно усыпляет или же — такой-то читатель над этой книгой неизбежно заснет.

В таких состязаниях читателей в меткости ответов, несомненно, наш современный книжный рынок должен был быть в центре обстрела. Ответы читателей неизбежно должны были лечь на те или иные книги или как бережная надпись массового читателя на любимую книгу, или же как позорное пятно на ненужную.

Из всех полученных мы считаем наиболее удачными, интересными и острыми такие ответы читателей.

О книге, насыщающей читателя негодованием и протестом. Рис. 1

Вот наиболее прямые ответы, ответы по существу:

1) «Рабочий читает роман Алексева «Большевики», книга содержит моменты гражданской войны — нападение белых на рабо-

ва и видимо возмущается поведением Даши, которая отдается многим «со всею своею забываемою бабьей страстью»... подогревает досаду читателя и язык романа» пишет О. Глаголева (Городец). Ее добавляет комсомолка из Тулы, указывая на то место в романе, «когда Бадьян пришел к Поле ночью». Очевидно, при чтении этих мест романа у наших читательниц сжимались кулаки.

Но вот красноармейцы Флотский и Варламов так ответили на этот же вопрос: С. Малашкин читает пародию на «Луна с правой стороны» (Луна без черемухи или любовь из Собачьего переулка), помещенную в «Смене» № 9.

О книге, которая усыпляет. Рис. 2

В ряде ответов под эту рубрику оказался причисленным не больше и не меньше как... «Капитал» Маркса. Вот тексты таких ответов: «читает «Капитал» Маркса. Это — комсомолец, который не прошел и первой ступени политшколы, а хочет взяться за непостижимое уму. В результате полное непонимание да и скучно что-то читать (таких комсомольцев много)» — отвечает В. Ренди (Евпатория); «Рабочий уснул над книгой «Капитал» Маркса. Книга не по силе» — заключает другой читатель.

Конечно, такие ответы, как мы уже отмечали выше, приходится отмечать в сторону, так как они характеризуют не книгу, а читателя. Над любой самой интересной, значительной, но трудной книгой неподготовленный читатель заснет. Однако, к книге это не имеет ровно никакого отношения. Признать «Капитал» Маркса, пробудивший весь мир, — усыпляющей книгой едва ли допустимо даже для самого сонливого человека.

Но и вообще с ответами на этот вопрос не клеилось у наших читателей. Один из них ответил даже так, «уснул в виду позднего времени» (!), другой же выко-

О книге с „финкой“. Рис. 3

Не вполне повезло с ответами и на такую книгу. Очевидно, наш книжный рынок не терпит такой продукции и подыскать литературу, читаемую под аккомпанемент такой жестикуляции, как это изображено на фотографии, трудно. Пишу для таких ответов могли бы дать скорее «ввозные» к нам кино-фильмы. Некоторые отвечающие пустились даже в фантазию, называя такие, напр., несуществующие произведения: «читает роман «Горячие пятки» (!). Промелькнули указания на «Москву кабацкую» Есенина, на злополучную «Мисс Менд», но все это уже старовато. В качестве нового образчика такой «ножевой» литературы правильно привели члены библиотечного кружка Севастопольской ж.д. библиотеки, сославшись на роман «На берегах Гудзона» Десберри. Что же, пусть на память издательству, ослепившему нас таким изданием, погуляет эта книжка с заслуженной ею кличкой!

Остроумно вышел из положения З. Вакуленко (1-й конн. полк.), сочетав и книгу и читателя в таком ответе: «Хулиган читает уголовный кодекс, 77 статью, ругает на чем свет стоит Наркомюст».

О книге, над которой заплачешь... от смеха. Рис. 4

Как-то всегда случается так, что даже в самой веселой компании может быть только один весельчак, шутник в принципе. В деле юмора всегда кто-то один должен взять первенство, тогда он уже вне конкуренции. И в литературе какой-то один писатель-юморист затмевает всех остальных так, что до них не докопаешься.

В ответах на портрет девушки, смеющейся «во все зубы», почти все наши читатели сошлись на одном.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. ЧАПЛИН — К обороне. Ф. ПУДАЛОВ — Огорчение Дуськи Маленькой (из рассказов Ирочки с Октябрьской) — рассказ. Ш-р — Комсомольские дачи. (Очерк). ЛЮБОВЬ СО «СВОБОДНЫМ ХОДОМ». (Фото-страница). С. КАРТАШОВ — Поход перед походом. (Очерк). А. Р. ПАЛЕЙ — Гольфштрот. (Фантастическая повесть). С. М. — Красоты горного Крыма. (Очерк). ЗРЯ НЕ БУДУТ ЛЕТАТЬ НАШИ ПУЛИ. Как я стал хорошим стрелком — Н. ЧЕТКИН. А. ЛЕПОВ. Выстрел. (Фельетон). В. АЛКИЛАЕВ — Как за ней ухаживать. (Очерк). ХАШТ — Молодежь в Персии. (Очерк). Б. ГУБЕР — Карагач. (Рассказ). М. ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ — Под жгучим солнцем — по вечным льдам. (Очерк). П. ЛОПАТИН — Мастерские здоровья. (Очерк). СПОРТ В ГЕРМАНИИ.

Стихи Дм. ПЕТРОВСКОГО, ОСТРАНИНА.

Иллюстрации К. РОТОВА, Г. ГОЛЬЦА, А. БЕРЕНДГОФ, Ю. КУПРИЯНОВА и др.

РЕДАКЦИЯ

Москва, Новая площадь, Черкасский
переулок, д. 3/4. Тел. 3-26-88

Рукописи принимаются, написанные на ма-
шинке или четко от руки на одной сторо-
не листа

СМЕНА

ДЕВЯТИДЕСЯТЫЙ ЖУРНАЛ РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТРАЛЬНОГО И МОСКОВСКОГО КОМИТЕТОВ
ВСЕСОЮЗНОГО ЛЕНИНСКОГО КОМУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ
ИЗ-ВО „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1927 ГО

На 1 год — 24 ном.	3 руб. 60 коп.
• 6 мес. — 12	1 . 90
• 3	6
• 1	2
Отдельный №	20

Подписку принимает Отдел Периодических
Изданий Из-ва „Молодая Гвардия“
Москва, новая площадь, д. № 6/8

**Советский Союз не начнет наступательной войны.
Мы больше чем кто-либо ценим мир и труд...
Но каждую минуту мы должны быть готовыми
К О Б О Р О Н Е!**

Нервы Советской страны оказались крепче, чем предполагали капиталисты. Цепь провокаций, рассчитанных на то, чтоб Советский Союз начал войну, не увенчалась ожидаемым твердолобыми успехом.

Мы доказали, что мирная политика Советской страны есть действительно мирная политика. Но события последнего времени, стервачьи голоса буржуазной прессы показывают, что буржуазный мир лихорадочно готовится к выступлению против ненавистного ему первого государства трудящихся, ожидая подходящего момента. Этот момент, повидимому, быстро приближается.

В воздухе носятся явно ощутимые запахи войны. Угроза войны висит над нами. Война становится уже реальной опасностью.

Мы имеем проверенные сведения о бешеной военной подготовке в соседних с нами странах. Буржуазная молодежь этих стран не дремлет. Фашистские объединения молодежи, как, например, польский военный союз „Стрелец“, немецкие, румынские, японские союзы ведут усиленные военные занятия.

Целый ряд заводов западных стран перешел целиком на изготовление военного снаряжения и амуниции.

Английское правительство концентрирует войска у наших восточных границ. Продолжается усиленный нажим на китайскую революцию, удушение которой ведется руками наших врагов.

Этим фактам надо смотреть прямо в глаза. Нельзя их недооценивать. Благодушию и ротозейству

не может быть места в наших рядах. Надо во-время подтянуться, подпоясаться. Мы много кричим о военизации, но мало еще делаем для нее.

„Хочешь мира, — будь готов к войне!“

Чем лучше страна вооружена, чем лучше обучены военному делу ее кадры, — тем меньше опасности войны для нее.

Сознанием этого мы должны пропитать всю толщу нашего трудящегося населения и в первую голову — молодежь.

Комсомол должен практически подойти к вопросам военизации молодежи. Военизация по всем линиям — вот наш лозунг.

Втянуть молодежь в стрелковое дело, в химические кружки, кружки связи и т. д., поставить каждого парня, каждую девушку на свое место, которое придется занимать в боевой обстановке.

„Неделя обороны“ — начало планомерной, систематической работы, проведение которой в значительной степени ложится на комсомол.

Нам надо создать такое положение, при котором вся молодежь, вся страна, по первому зову должны встать стеной, чтобы отразить удар врага.

Надо, чтобы каждый час и каждую минуту, когда нам скажут: будьте готовы встать на защиту социалистического отчества! — мы могли бы стройно, дружно, организованно, с энтузиазмом революционеров и спокойствием бойцов, ответить:

Всегда готовы!

Н. Чаплин

ОГОРЧЕНИЕ

Из рассказов ИГОЧКИ с ОКТЯБРЬСКОЙ

— Дусечка, расскажи, тебе всегда интересно удается видеть!

У нас около дома садик маленький и две скамейки. Сейчас дневная смена пойдет с работы; я вышла и села.

Вот Нюрка побежала, халат под мышкой, стирать, должно быть, понесла. Нюрка очень форсит, много о себе воображает. Подумаешь, нянька, за больными выносит.

— Ирочка, можно к тебе?

— Отчего нельзя, — места много, скамейка казенная.

— Ирочка, чего я тебе расскажу! Зойку в ремонтную перевели. Надоело ей по шпалам бегать, да и к Павке ненаглядному поближе. Комсомолку всегда на легкую работу переведут.

— Ну, положим, она на Павку теперь ноль внимания. А в ремонтную перевелась, потому что в профтехническую метит. Не то что мы, убиралки несчастные.

— А Катя в декретный отпуск идет на четыре месяца.

— Давно пора. Пузо у ней — слава богу.

— Да, а еще с пионерами занимается. Другой бы совестно стало.

— Из наших кто-нибудь был у вас сегодня?

— Чуть не забыла. Твоя Дуська Маленькая у нас была. К нервному доктору ходила.

— Расстроишь тут нервы, все по заседаниям да по собраниям.

— Ну, от заседаний, положим... У ней, может, нервы-то с ручками, с ножками.

— Да ну?

— Нюрочка, а что это Кости Зудилина давно не видно. Ты уж наверное знаешь, что с ним?

— Я? Почему это я должна знать?

— Да так. Я думала, что вы с ним попржнему. А вы поссорились?..

Кстати Дуська Большая прикатилась. Нюрка сидит, губы кусает, не придумает, что сказать. Так мое слово и поверх осталось.

Дуська расфрантилась за последнее время; верно, отец наспекулировался, когда в Москве масла не было. Перчатки модные — с белым кантиком и с раструбами белыми. Только мне не нравится, на скелет похоже.

Сидит и обмахивается.

— Девочки, что я сейчас видела! ни за что не угадаете.

Нюрка сейчас же:

— А ну? Где видела? Дусечка, расскажи, тебе всегда интересно удается видеть!

— Зойка-то наша как разоделась! В шелковой вязанке прозрачной, в шелковых чулках мышиных! И, ведь, одна живет. Откуда у ней деньги берутся?

— Да уж, действительно, откуда! Сидит на остром черном хлебе с картошкой.

— Такая круглая, румяная? Не верю, — Нюрка позавидовала.

— Ну, что ж, другой от злости худеет, а Зойке чего худеть.

— А ей не мешало бы. Катится, как куль с мукой.

Нюрка вздохнула и взяла со скамейки халат.

— Нюрочка, ты куда?

— Домой надо...

Как-будто уже хороший был день сегодня, и вот опять дождь собирается. За всю весну два раза только выезжали из города и оба раза в дождь возвращались.

Зойка идет и поет:

— У меня в кармане роза,

Роза непримятая.

Я девчонка молодая,

Никем не занятая.

— Здравственки вам, девоньки!

Сейчас же мы с ней поцеловались. Хохочет:

— Ой, девочки, я на именинах была, двоюродной сестры день ангела. Как стала уплетать пирог, целый край с'ела, смотрю, еще пирог несут! Ну, а я больше никак не могу. И так это мне досадно стало! И мой любимый — с яблоками, с изюмом!

— А ты бы его в карман спрятала.

— Куда там. Я себе шелковую кофту купила, все видно.

Дуська сразу:

— Неужели все?

Тут меня мама позвала — наша сегодня очередь в кухне пол мыть.

— До свиданья.

Зойка рукой помахала, а Дуська сейчас же — чмок-чмок и пошла. Не любит она Зойку, они всегда за роли ссорятся.

Ну, известно, — куда же Зойке против Дуськи Федоровой. Дуська всегда одевается, как картинка, и вообще вся шикарная, фигурастая, а Зойка, известно — девчонка.

II

Дуся Маленькая была в ячейке, преподнесла Миханчеву удостоверение из амбулатории про свои нервы. Она храбрилась, храбрилась, пока шла, а как пришла — и он на нее посмотрел насмешливо, даже удостоверение еще не развернул.

— Про што? — спрашивает, — Дуся Маленькая, про дело? Или не дело?

И Дуська забуксовала:

— Я всегда про дело.

— Это верно, — говорит Миханчев, — только не дело, что ты от пионеров лытаешь.

— А мне нельзя с пионерами работать, у меня от них все нервы расстроились. Доктор так и сказал...

— Ну, вот, видишь, — значит, не дело. То-то я и спрашиваю. Бумажка об этом самом? От доктора, что ли?

— Об этом.

— Ну, какая же ты больная, скажи по комсомольской совести?

Дуська совсем надулась.

— Бегаешь ты, как парень, по физкультуре отличаешься. В пионерской работе ты больше всех нас, может, опытная, не зря сама из пионеров, и песни все ихние знаешь...

— Что же это! Я думала, меня в комсомол взяли, комсомольскую работу дадут, а меня из пионеров, да в пионеры! Так всю жизнь из пионеров не вылезешь!..

— Ну, вот, пошла, с этими девчатами только свяжись! Я ей говорю — девчонка первый сорт, а она реветь.

— Да-а, думаете, я маленькая!.. Тогда зачем в комсомол...

— Ты не понимаешь, что самую важную, может, комсомольскую работу тебе дали. Да что заводить сначала! Пионеры тобой довольны, Катя тебе дела передала — и на этом покончим. Что дальше будет — там увидим.

Так и не посмотрел в бумажку про нервы, сунул в ящик.

От него Дуська побежала в Первомайский меня искать. Отвела в сторону, начала рассказывать, заливаясь.

— Перестань! — говорю. — Ну? Как маленькая. Наплевала бы я на них на всех, сволочей.

— Хуже нет, — плачет, — как с пионерами работать, изведешься!

— А ты, ведь, сама была в пионерах?

— Одно дело — сама была, с нами Катя возилась, а теперь они себе играют, им весело, а ты с ними мучайся!

— Вот оно что. Нянькой при них. И верно, с ума стряхнешься. Ты и на сборы, значит, ходить должна?

— А как же.

— И все должна с ними делать, там, бегать и под барабан ходить?

— Ну да. Раз мне такую работу дали.

— А ты дура: «раз дали!» Миханчев вот и говорит: хорошо работаешь, почему тебя снимать?

— Так что же делать-то?

— Например: тебе надо вести ребят на прогулку...

— Надо.

— А тебя-то и нет.

— Как нет?

— Да нет. Никак нет.

— Я не пойму.

Я даже рассердилась. Такая бестолковая!

— Пионеры соберутся, а ты не пришла. Пускай сами себя на прогулку ведут.

— Да они не могут сами.

— А тебе что за дело? «Не могут!» Жалеешь их? И видно, что сама пионерка, нечего тебе и отвивать. Не могут — не надо. Не пойдут. Ты еще накричи на них, как следует...

— Нельзя на пионеров кричать, что ты!

— Опять! Ты слушай, коли сама не смыслишь! Ну, работу им задай, чтобы твои пионеры языки повытаращили. Тогда Миханчев скажет без всяких нервов: не годится Дуська водить пионеров.

— Они поймут, Ирочка, что я нарочно.

— А ты им: — Не хотели меня отпускать — вот вам. Это у меня от нервов. Соизволь, Миханчев, прочитать, что в удостоверении написано. Сам виноват!

— За это из комсомола выгонят.

А впрочем, твое дело. Я и то думаю, что тебе самой очень нравится пионерчикам сопля подбирать. Ну, и подбирай, комсомольскую медаль получишь. И будет на ней пионерская сопля наштампована.

Моя Дуська чуть слезы держит. Я еще:

— В воскресенье в Химки поедем, сам же Миханчев твой организует. Дуськи Большой брат гитару возьмет, вообще — компания. А ты на ихнем сборе будешь раз-два, как шалава, топать.

— Ну, я пойду, Ирочка.

— Куда это?

Молчит.

— К пионерам? Иди, пожалуйста, я тебя не держу.

ДУСЬКИ МАЛЕНЬКОЙ

Ф. ПУДАЛОВ

Рис. К. РОТОВА

Повернулась назад к своей компании,—и Дуська повернула. Пошли вместе, а навстречу Миханчев. Дуська затряслась.

— Да что ты им раба? Что ты млеешь?

Миханчев подошел, мне говорит:

— Здравствуй,—и к Дуське с удивлением:

— Разве у вас не состоится сегодня совет отряда?

— Состоится.

— Поздно что-то, пионеры, должно быть, в клубе заждались.

— Что вы девочке вздохнуть не даете?

Секретарь посмотрел мне через голову этак:

— Кажется, не с тобой говорят.

— Мы с вами свицей не пасли, напрасно ты каете.

Тут он раскланялся, кепку даже снял.

— Очень извиняюсь, я и забыл, что с вами и с Дусей Федоровой мне разговаривать не приходится.

Я дернула Дуську.

Мы пошли.

А Дуська заметалась от меня к нему — и пошла за ним, как овечка.

III

В воскресенье мы собрались впятером: Дуська Большая с братом, очень шикарный кавалер, Лукин счетовод да я. Идем мимо клуба, а Дуська Маленькая, со своими пионятами в мяч играет. Лукин говорит:

— Что это, Дусечка в детский сад поступила?

— Да вот, в няньки нанялась, от ячейки поставили. Миханчев давно в Химках кверху пузом

лежит и радуется, что есть кому за него отдуваться.

Так громко сказала. Дуська как вспыхнет, отшвырнула мяч.

— По домам!—кричит.

Ребята канючить:

— Еще сыграем!

— Играйте без меня,—и ушла.

Ушла домой, и с нами не поехала.

Идем дальше, навстречу механик Николай Иваныч.

— Ах! прелестные барышни, нижайшее почтение.

Я засмеялась—вижу, человек под мухой. Он ко мне:

— Ирочек-цветочек, дайте ручку.

Чего-ж не дать? А он возьми да и поцелуй при всей компании. Тут все надо мной стали смеяться. Дуськин брат говорит:

— Ай-яй-яй, Ирочка, женатого человека обкрутила. Вот я его жене скажу.

— А мне наплевать. Жена женой, а я—собой. Я, может, тоже жена буду.

У меня калоши есть

Номера шестого,

Чем женатого любить,—

Лучше холостого!

На вокзале никого уже из наших не было. Верно, в 9.20 уехали.

— Что ж это! Мы одни, оказывается?

Дуська надулась.

— Тебе мало нас?

Лукин подхватил меня под ручку и потащил к вагону.

— Авось, хватит!

В Химках мы сошли и за полверсты уже услышали хохот... Дался им этот мяч! И Миханчев туда же: бегаёт, как шалавый, все ему перебрасывают через голову, он прыгает, никак не подловит. Чего тут смешного? Туда же со всеми Шурка-медведь,—физкультура!

Мы стали сторонкой к лесу обходить, никто на нас внимания не обратил, только Вовка закричал:

— С опозданием вас!

И Зойка:

— Ирочка, чего так поздно? Боги ко мне!

Дуська со мной рядом идет и не смотрит в ихнюю сторону, о чем-то окликает Лукина... Мне неловко. Я помахала Зое.

Под деревьями другая компания оказалась: Сеенька Шершенев с Сердюковым Колькой, еще один мне неизвестный, и Нюрка с Ленкой. Они нам обрадовались, Сердюков вскочил, резиновое пальто свое расстелил получше.

— Садитесь, Дусечка, а то платье запачкаете.

В это время мяч к нам подкатился.

— Мы видим, вы сильно тут веселитесь?—Сергей пошутил.

Колька сплюнул аршин за пять, чуть до мяча не достал.

— Ай-яй-яй, Ирочка женатого человека обкрутила!

— Да так. В Первомайский она не показывается, и в воскресенье ее не видели нигде. Знаешь, что Нюрка про нее говорит?

— Знаю! Глупости говорит. Да что вы все вдруг, Дуська, Дуська. Дуська с пионерами нянчится, вот где Дуська.

— То-то и оно, что пионеры ее в глаза не видят. Тут я от нее отвязалась. Это— правда, что Маленькую невидать стало, и ко мне она не заходит, обиделась, что я ее при всех засрамила. Ну и пусть... На кой она мне. Сделала—и ладно. И очень хорошо, что сделала.

Что это за день у меня несчастный! На работе ногу отдавили, домой шла за рельсу зацепилась. Потом еще дурак этот, Шурка пришел отчеты спрашивать. Кто ему позволял? Что он себе в голову за такие за права забрал?

Пошел провожать и прямо—допрос.

— Говорят маленьких на больших меняешь? С барышом вас.

— Что это за шуточки? На что вы намекаете?

— Я шутить не умею, просто говорю, что одну Дуську на другую переменяла.

— Ну, и что ж! Ну, и переменяла, захочу—еще двадцать раз переменяю.

— Это-то я знаю. У Дуськи Большой, говорят, вечерка собирается?

— А ты интересуешься?

— Ну, это пусть интересуются те, кто к Дуськиной компании подходит.

— Да, уж ты-то не подходишь. А тебе, я вижу, очень охота велика на вечеринку попасть. Наверное, там и выпивка будет?

— Эх, Ирка, много раз ты меня пьяным видела? Да и Дуська не про меня хвастает, что я у ней на вечерке буду, а про тебя распускает.

— Что ж такого? Хвастает оттого, что ценит. У Дуськи всегда интересная компания бывает. Агент с транспорта, контролеры. И вообще Дуська сама очень симпатичная, интересная, поет хорошо, в драмкружке играет. Не понимаешь ты, какая она замечательная.

— Виноват,—не понимаю. Конечно, в драмкружке играет, ломаться да губы красить под барышню научается, чтобы чистого жениха подцепить, в интеллигенцию выскочить. А у самой единственного интерес в жизни всей—поганую сплетню где-нибудь на бабьей свалке подобрать, разукрасить, и на всю Октябрьскую распространить. Что ни сплетня на дороге—от кого? От Дуськи Федоровой. Видать интеллигенцию! Компания ее подстать интеллигентная. Контролер-смердюк к девочкам липнет, как копать. Сердюков хулиган, из клуба его выставили. Я бы с Дуськой по улице не прошел.

— Да она с тобой не захочет пойти, герой, подумаешь. Ты со своими комсомолками ходи.

— Вот не с комсомолкой иду.

— Можешь больше не ходить. Наше вам с кисточкой.

Повернулась и пошла скоро-скоро.

К углу подходить стала—оглянулась, а его уже не видно.

— Ну, и чорт с ним!

Чулки мои фильдеперсовые по ниточкам разезжались. Чинила, чинила—даже зло взяло. Все старое, рваное, взяла бы, да в печку сразу!

И желтые лодочки пятнами пошли. Я и не знала, не вынимала их давно,—с того самого дня, как под дождь попала...

Разговоры все про одно: цены дорогие, погода плоха. Кудахнут—курицы мокрые! Надо мне костюм шить, а то я все в черном жакете шеголяю, что из маминой шубы переделали.

Тоска какая! Мама что-то говорит, не поймешь, чего. Зубов-то у ней нет, и, ведь, не уговоришь ее вставить, ничем не хочет. Села ко мне на кровать, погладила газету и в руки сует:

— Ты бы, дочка, почитала мне из газетки.

Как я эту газету дернула—пополам.

— Не хочу! Пусть комсомольцы умные читают. Это не для нас, сереньких.

Да как зареву на всю комнату.

Уйдите от меня все, что это за несчастье такое.

Уткнулась в подушку и весь вечер проревела.

(Продолжение в след. №)

КОМСОЛЬСКАЯ ДАЧА

Отличная идея московских комсомольцев: сняли дачку—на свои кровные денежки—и «шикуют» не хуже прочих иных... Даже лучше

Очерк Ш-р

Мы шли от Кунцево до села Крылатского. Адрес был чрезвычайно прост: село Крылатское, комсомольская дача: ищи где хочешь. Между прочим была еще одна важная примета, на которую мы возлагали все надежды,—это гигантские шаги.

Танцуют

Путь от Кунцево сначала извивался по холмам, рывинам, через мост вправо, влево, точно змея, корчась в судорогах, пока не вылез на широкое пыльное шоссе. Солнце истекало зноем, мокрая рубашка прилипла к спине, мучительно хотелось пить, а густой лес, стоявший в стороне темной стеной, манил к себе под прохладную тень сосен.

Мы шли. По указанию проезжавшего водителя мы свернули вправо от шоссе и пошли по широкой тропинке. Эта тропинка через несколько минут углубилась в лес и побегала среди густой зелени неожиданными петлями, поворотами, под емами, спусками, точно молодой, резвящийся котенок. Играя, она сбегала все ниже и ниже, в воздухе чувствовалась близость воды и, действительно, через некоторое время сквозь толпу сосен недалеко серебристым поясом сверкнула Москва-река.

Мой взгляд упал налево, и я радостно вскрикнул: — А вот и гигантские шаги!

Тропинка выбежала из лесу на широкую лужайку, над которой возвышался столб с крюками наверху. Тут же недалеко, в густой зелени, стоял двухэтажный

Бузуют под гармошку!

купаются моются, массаж в воде устраивают... Плавают... на лодках катаются

Просто—на веранде

«Шаги гигантов»

домик, откуда слышались смех и звуки гармошки. Через две минуты мы уже сидели на веранде и, слушая ребят, жадно тянули из стаканов холодное молоко.

Любопытную историю имеет эта оригинальная комсомольская дача.

Среди зелени у реки, в маленькой, из 5 комнаток, уютной дачке живут 8 ребят и 3 дивчат—все комсомольцы, работающие на Хамовническом пивоваренном заводе.

Идея жить коллективно на даче, как это ни странно, появилась зимой, в январе месяце.

Как-то, сидя в трамвае и продувая замерзшее стекло, Ванька Хренов неожиданно повернулся к сидящему рядом Женьке Прозоровскому.

— Слушай, Женька, а почему бы нам не снять летом коллективно дачу? Вот хорошо было бы. А?

— А ведь верно. Я сам об этом думал.

— Вот и хорошо. Возьмемся?

На этом разговор закончился, но идея, рожденная в трамвайном вагоне, крепко засела в умах ребят.

Когда снег побурел, а в воздухе запахло совсем не по-зимнему, когда солнце стало с каждым днем все выше и выше прокладывать свой путь на небе, а матовые ледяные сосульки начали сочиться прозрачными водяными каплями,—идея вспыхнула снова.

Женька открыл на заводе запись ребят, желающих жить на даче. Но вначале дело подвигалось очень туго. Досушие пессимисты высмеивали идею комсомольцев и критиковали ее вдоль и поперек: «Ну и чепуху же выдумывают комсомольцы». «Вы на даче не выживете». «На другой же день она у вас развалится». «А девчат-то зачем записываете,—тогда вы уж прямо при даче и детские ясли открывайте».

Все эти смешки тормозили дело, подрывали настроение, но наши ребята не унывали. Наконец, когда наскребли 8 человек, решили ехать искать дачу. В один из свободных дней Ванька, Женька и Шурка Сдор поехали в Кунцево. Выбор на Кунцево пал после долгих соображений и выкладок. Во-первых, говорят, что там есть дачи, во-вторых,—река и в-третьих,—самое главное, время и дорога: трамвай «Г» от Зубовской до вокзала—30 мин., поезд до Кунцево 20 мин. и от Кунцево до Крылатского—30 минут. Всего 1 час 20 минут, и ребята могли прибывать на работу с точностью скорого поезда.

После долгих поисков, наконец, была найдена дача за 300 рублей в сезон, снята и начался второй, более трудный, период—надо было заполнить пустые комнаты какой-нибудь мебелишкой.

Женька отправился к директору завода.

— Товарищ Абрамов, мы, видите ли, дачу сняли, а мебели тю-тю. А у нас на заводе как раз старые столы бездействуют.

— Ну, что ж, берите.

Через некоторое время Женька снова у директора.

— Товарищ Абрамов, столы—это, конечно, хорошо, а вот скамеек к ним нет. У нас как раз есть на заводе старые скамьи.

— Ну, скажи Коршикову—пусть выдаст. Но чтобы в сохранности были.

Еще через некоторое время Женька опять в кабинете директора.

— Товарищ Абрамов,—беда прямо. Столы есть, скамьи есть, а куда одежду повесить—не знаем. Если можно было бы старые шкафы приспособить, все равно без дела стоят.

— Ладно, от вас все равно не скроешься,—берите.

А Коршиков, как только наши дачники приходят к нему, сейчас же на смех подымает.

— А, опять, побиралы пришли. Ну, что насобирали? Надоели вы, ребята. Гнать вас будем и в кабинет не пустим.

Как переехали на дачу, работа еще больше закипела. Каждый день, возвращаясь с работы, кто-нибудь что-нибудь да тащит: Ванька—ложки, Кирька—чайную чашку, Женька—тарелки, Маруся—блюдо. Как говорится «с миру по нитке»...

На собрании постановили, чтобы каждый вносил в получку 7—8 рублей, а за дачу внести по 20 рублей с человека (80 рублей дал завком). Для ведения хозяйства ребята пригласили к себе тетю Полю—мать одной из работниц. За 15 рублей в месяц на полном пропитании она взяла на себя дачное хозяйство: уборка, приготовление завтрака, ужина, обеда, чая, закупка провизии и т. д. Чего нехватило—прикупили, и жизнь на даче постепенно начала вливаться в спокойное русло.

Будни. Сегодня дежурным Мишка Синицын—Мезон, как его прозвали ребята. В пять часов утра Мезон внезапно сдергивает с головы одеяло и испуганно глядит в окно—неужели проспал? Проверив часы, он ложится снова и ждет еще полчаса: теперь можно будить.

Подходит к каждой постели, сдергивает одеяло и кричит:

— Вставай!..

Потом задирает голову кверху (наверху девчата).

— Ей, гражданки,—пора.

Дача постепенно приходит в движение. Дачники переворачиваются на постелях, вытягивают ноги, руки, зевают и, наконец, поднимаются. В маленькой кухоньке тетя Поля уже раздувает угли в самоваре.

— Кирюшка, бери полотенце.

Кто в брюках, а кто в трусах отправляются на реку. Свежая утренняя вода приятно холодит тело. Намылив голову и шею, Кирюшка, ежась, медленно и осторожно влезает в воду.

— Ох, чорт, холодная!

Мезон, уже успевши три раза окунуться, набирает в горсть воды и обливает Кирюшку.

Кирюшка ругается и грозит Мезону.

— А ты сначала дойди до меня,—откликается тот.

— Дойду.

И Кирюшка от злости бросается разом в воду и гонится за Мезоном. Тот поднимает целую бурю вокруг себя, но Кирька настигает его и начинает «топить».

— Спасай, братва!..

После купанья все собирается на веранду и усаживаются за стол, где уже кипит самовар, лежит грудка ситного хлеба, Тетя Поля в сером халате, с гладко зачесанными седыми волосами хлопочет вокруг стола и приговаривает: «Кушайте, милые, кушайте»,—на что все хором отвечают: «Спасибо, тетя Поля, кушаем»—и действительно уплетают за обе щеки.

Путь от дачи в Кунцево, затем до Москвы и трамваем до Хамовнического пивоваренного завода проходит в смехе, шутках, спорах и беседах. За 10—15 минут до начала работы «комсомольские дачники» уже появляются у заводских ворот.

Плавню течет день. За работой и не замечаешь, как солнце ползет все выше и выше, потом переваливается на другой бок и начинает сползать с небосклона. Вот уж и гудок завыл долго и протяжно, и заводские ворота наполнились разногласным шумом, выливающимся на улицу и расплывающимся вправо и влево.

Колька Соркин зазывает дачников.

— Ребята, кто едет домой?

Едут не все сразу. У одного еще собрание, заседание комиссии или работа сверхурочная. Освободившиеся с гудком, группой отправляются на вокзал. Уж позади пыльные улицы, грохот тяжелых колес, рев автомобилей, вся толкотня и суетола столичная, а поезд, грохоча на стрелках, бежит среди зеленых полей. Вот и Москва-река; поезд вползает на мост, смотришь в воду, и голова начинает кружиться, кажется, что все вагоны повисли над водой в воздухе и вот-вот упадут прямо в реку. Через 20 минут к поезду подплывает станция Кунцево.

Снова по шоссе к Крылатскому. Ванька и Женька босые, размахивая своими ботинками, ожесточенно начинают спорить по крестьянскому вопросу. Валя идет сбоку, рассеянно обрывая ветки кустов, а Маруся вместе с Дусей и Колькой плетутся сзади. Но вот и дача. Сбросив лишнюю одежду, ребята и девчата отправляются купаться. Переплывают через реку и вытягиваются на песке, подставив солнцу спину. Время сочится медленно, точно тихий ручеек, пока Мезон с того берега не заорет:

— Ре-бя!.. ча-ай!..

После чая—гигантские шаги. У столба уж собралась целая ватага мальчишек и девчонок и ждет момента, когда комсомольцы вынесут канаты и нацепят их на крюки.

Тихо и незаметно надвигаются сумерки. Лес, столпившийся у реки, становится все темней и темней, а от воды поднимается прохлада. После ужина из 2 блюд, когда звезды серебристым зерном уже рассыпались по небу, ребята и девчата собираются на лужке самого обрыва над рекой.

Играют в «оракула». Лешка Левшин с завязанными глазами сидит по середине, а Женька, показывая пальцем на Марусю, спрашивает:

— Ну, что ты про этого скажешь?

Лешка мотает головой и торжественно говорит: — Скажу, что проживет он до 90 лет и умрет от водянки в печени, если до этого ему не отрежут левую ногу.

Хохот покрывает его слова. Женька, приложив палец к губам, заговорщически глядит на всех и потом показывает на самого Лешку:

— Ну, а про этого что скажешь?

Лешка пожимает плечами.

— Ну, что тут сказать. Прохвост человек—и все.

Ребята не хохочут, а ржут, катаясь по земле. Лешка снимает повязку и недоуменно глядит на всех: вот смешливый народ.

Потом поют песни. В теплую летнюю ночь за реку бежит задорная пионерская:

Долой, долой монахов,
Раввина и попов,
Полезем мы на небо,
Разгоним всех богов.
И—их!..

А потом, мягко переливаясь голосами, течет песня:

Тихе, тихе...
Все заботы прочь в эту ночь.
Завтра утром, на рассвете
К нам товарищи придут,
А быть может, в эту пору
На рассрел нас поведут.
Тихе, тихе...

Ночь тиха, и только за рекой, далеко в селе слышен неумолчный лай собак.

К 11 часам все отправляются домой, и скоро дача засыпает крепким молодым сном.

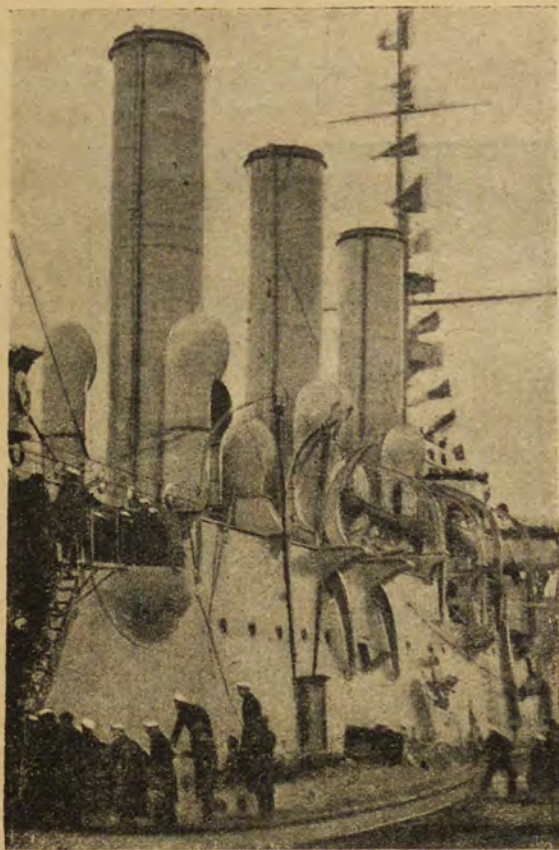
С реки все сильнее тянет прохладой.

Рис. К. РОТОВА

В Москве, в Петровском парке велосипедную дорожку превратили в дорожку свиданий

ЛЮБОВЬ СО «СВОБОДНЫМ ХОДОМ»

Герой 25 октября (7 ноября нов. ст.)—крейсер «Аврора»

На Кронштадтском рейде

Огромные стальные, сливающиеся с цветом воды, корпуса боевых кораблей дремлют на спокойном рейде, и только кажущиеся крохотными фигурки военморов на вышках некоторых кораблей «семафорят»—сигнализируют отсюда флажками соседям, ведя этот своеобразный морской разговор, непонятный непосвященным.

Ровно в 12 часов дня по сигналу с флагманского корабля суда, участвующие в плавании, снимаются с якоря. Кильватерной¹ колонной двигаемся с рейда и дальше идем вдоль Финского залива уже походным порядком. Главные силы—лицоры, т.е. лицейные корабли, а кругом сторожевое охранение из эскадренных миноносцев-эсминцев.

Миноносец, миноноска. На суше это звучит как-то неважно,—суденышко, дескать. Но эти самые миноносцы оказываются вблизи такими почтенными бронированными громадинами, что невольно проникаешься к ним уважением.

Проходим мимо фортов крепости. Участвующие в плавании артиллеристы Кронкрепости старательно ищут в бинокль собственные батареи и делают соответствующие выводы на счет маскировки.

Но вот Кронштадт начинает таять, как ледышка на солнце, и постепенно скрывается в синей дали.

Будущие командиры

С нами идет в плавание группа слушателей Военно-Морского Инженерного Училища. На корабле они работают практикантами и одновременно несут общевенморскую службу. В плавании им приходится нелегко, так как на них возложена партийно-просветительная работа среди экипажа. Отличная молодежь! Стоило ехать из Москвы в Балтфлот из-за того только, чтобы познакомиться с этими чудесными ребятами.

От них веет такой свежестью, крепостью, любовью к своему делу, к жизни, к революции, что, проведя с ними несколько дней, чувствуешь себя словом обновленным.

Среди них много, кончивших рабфаки, московских комсомольцев, есть и студенты, ушедшие в Военно-Морское Инженерное Училище из гражданских вузов. Эта молодежь просто поражает.

По общему развитию они, пожалуй, не уступают нашим свердловцам, фоновцам, экономистам, но превосходят тех большими знаниями в области точных наук: математики, механики, электротехники, кораблестроения... Через год-два из них выйдут квалифицированные работники военно-морского дела, большинство которых может быть использовано и на мирной строительной работе на любом предприятии крупной индустрии.

¹ Гуськом, один корабль за другим.

ПОХОД ПЕРЕД

Очерк с Карташова.

Враг прогуливается под окнами нашего дома. Английский флот изучает Финский залив. Наший учебный поход осенью

стрии, не говоря уже об общественной и политической работе.

Мне понравилось, что здесь не диспутируют на половые темы, не создают проблемы из выеденного яйца, не мусируют отрицательных сторон быта. Очень хорошая здоровая среда, в которой можно многому научиться.

Хочется еще отметить их взаимоотношения с рядовыми военморами.

Вот, уж где нет «оторванности от масс». Эти студенты и будущие командиры кораблей спят в тех же кубриках, что и простые военморы, ведут ту же жизнь, что и они, а работают больше подавая постоянный пример выдержки и дисциплированности.

Морской бой

Ночью мы прошли по середине Финского залива, имея справа Гельсингфорс, а слева—Ревель. Около восьми утра корабли вышли на широкий простор Балтики.

Эскадра перестраивается, продолжая маневры. На горизонте—противник,—возвращающиеся из дальнего плавания популярные у нас боевые корабли «Аврора» и «Комсомолец». В сильный бинокль видны полосы дыма их труб. Все напряжено, как перед настоящим боем.

«Боевую тревогу» сигнализируют нам с флагманского корабля. Моментально все пришло в движение. По палубе заматились военморы, «задраивая» корабль, т.е. приводя его в состояние боевой готовности, для чего закрываются все люки и отверстия, даже вентиляция. Еще минута, и на палубе ни живой души. Все на своих боевых постах, в броневых башнях, у орудий, у прожекторов.

— Огони!—И вспышки прожектора заменяют нам залп.

Здесь учитывается все. И положение солнца, и то, как стоят корабли противника по отношению к нам, и сила нашего хода, и преимущество вооружения, и возможности противника, и сотни других вещей. Весь этот «маневренный материал», каждое распоряжение командиров, каждый выстрел будут разобраны в штабе, и тогда только можно будет сделать те или иные боевые и военно-научные выводы.

Но «Комсомолец» и «Аврора», очевидно, не принимают боя. Они скрываются за горизонтом, и наша эскадра реагирует на это, немедленно перестраивая корабли в новом порядке. Быстроходы бросаются догонять уходящего врага, чтобы выяснить его местонахождение; непосредственная опасность миновала, горнист играет отбой, и корабль «отдраивается». Все постепенно приобретает обычный вид. На орудия снова одеваются чехлы; бронированные двери, разделявшие внутри корабль на ряд совершенно изолированных друг от друга отдельных секторов—«отсеков», снова раскрываются, и вы опять можете свободно ходить по всему кораблю.

Ночью

На горизонте показывается остров Готланд. Этот большой остров принадлежит Швеции. Темнеет. Приветливо мигают маяки его берегов. Стая моторных лодок выезжает нам навстречу. Одна, самая бойкая, забирается в середину движущейся эскадры и проходит почти у самого борта одного из наших эсминцев. В бинокль хорошо видны сидящие в лодке люди.

— Хотите увидеть нечто в роде ночного боя?—любезно предлагают нам моряки.

Мы поднимаемся на капитанский мостик. Горизонт обложен тучами. Сильный ветер свистит на снастях корабля и рвет с головы кепку. Впереди от «Марата» и «Парижской Коммуны» отходит в бок пока хватает глаз, густая черная полоса дыма. По бокам чернеют неизменные эсминцы.

Группа командиров совещается на мостике. И вдруг по сигналу начинается оживленный разговор прожекторов. Сверкающие цилиндры света бороздят во всех направлениях густую, черную в темноте воду, выхватывают клочья туч; вдруг, как на ладоны, всплывает соседний корабль, падающий под одну из этих струй света. Тогда видишь там все до мельчайших подробностей. Новый поворот прожектора, и ярко освещенный корабль сразу пропадает из глаз, и опять где-то вдали пытит еле видной туманной громадой.

Иногда несколько прожекторов с разных кораблей встречаются на одной точке. Яркие полосы света сталкиваются в темноте, скрещиваются, как лезвия отточенных клинков, и даже кажется, что от ударов сыплются искры. Это переливы света играют на гребнях кочующих волн.

Вот прожектор захватил бьющие из труб клубы дыма и пара, некоторое время задерживается на них, заставляет их принимать самые причудливые оттенки, миг,—и снова светлый туман пара и густой черный дым, сеющий в ночь и море миллиарды сверкающих искр.

Эта игра света и темноты, эти внезапные сполохи огней напоминают северное сияние.

Море, ночь, ослепительный свет, громады кораблей сплетаются в могучую гармонию торжества человека над темными силами природы. Никогда раньше я не чувствовал так эффекта именно индустриальной мощи человека, как здесь, в этой борьбе прожекторов с черной балтийской ночью.

И вдруг все внезапно погружается в мрак, игра света кончилась, десятки прожекторов замолкли, и мы попрежнему движемся без огней, в полной темноте, вперед.

Силы морских держав

На море живешь морскими интересами.

Наше внимание, наша любознательность, наша память сосредоточены на флоте. За два дня из случайных разговоров мы уже знаем историю и современное состояние наших и иностранных флотов.

В печати часто появляются сообщения, преувеличивающие иностранные достижения в военноморском деле. Иногда сообщаются фантастические цифры о невероятной дальности новейших орудий, чудовищной скорости. Но если отбросить всякую фантастику, то данные о современном военном корабле все же очень и очень внушительны. Например, английский крейсер «Худ» весит около 3 миллионов пудов. Скорость хода около 56 верст в час. Его 15-дюймовые орудия стреляют снарядами весом в 52 пуда на расстоянии 29 верст. Любопытна история соперничества национальных флотов.

Возьмем Англию. Двести лет она сохраняла свое первенство на морях, каждый раз пуская в ход все средства, чтобы ее флот был сильнее соединенных флотов трех следующих за нею сильнейших морских держав.

Когда эти расходы стали ей не под силу, ее флот держался на уровне соединенных флотов уже только двух следующих за нею морских держав. Наконец, после мировой войны пришлось сделать еще одну уступку: английский флот должен быть равен по силе одному следующему за ним флоту—американскому.

Америка, заявившая как-то устами одного из своих представителей, что она может печь военные суда буквально, как блины, за время войны

Картошку и в походе надо чистить...

ПОХОДОМ

страж—Балтфлот—идет ему навстречу. Следую-

«испекла» около 800 миноносцев. Американский подводный флот, первый в мире, насчитывает 123 подводных лодки, против 64 английских и 70 японских.

Не очень многочисленный японский флот ценен тем, что составлен из очень удачных типов судов постройки недавнего времени. Япония была первой из морских держав, которая ввела в своем флоте 16-дюймовую артиллерию и заложила свои линкоры нового типа в 1917 г., благодаря чему ее флот оказался первым, воплотившим в себе весь опыт войны.

Беллетристика

Французский флот, занимавший в начале текущего столетия второе место против английского, теперь отошел на четвертое место, и изо всех сил пытается на этом месте удержаться.

Мы с справедливой иронией относимся к международным конференциям капиталистических держав, ограничивающих взаимные вооружения. Но мы не знаем всех тонкостей этого дела. Напр., постановление Вашингтонской конференции на счет ограничения морских вооружений внешне выполнено: Америка разобрала больше десятка строящихся линейных кораблей.

Также поступили и другие главные морские державы.

Постановлением конференции калибр судовых орудий ограничен 16 дюймами, водоизмещение 35.000 тонн. Введены еще некоторые количественные ограничения. Однако, истина скрывается в переходе количества в качество. Военно-морские министерства великих держав принимают все меры к тому, чтобы в разрешенные конференцией цифровые рамки вложить как можно больше качественного боевого содержания.

Бой с подводной лодкой

Сегодня маневры продолжаются. Попрежнему все на-чеку. Предстоит нападение подводных лодок. Командир корабля не сходит с командирского мостика. Тут и обедает.

Трубят боевую тревогу. Корабль моментально задраивается: закрываются все люки.

Прибавляем ходу и скоро мчимся во весь полный ход, зарываясь носом в воду.

Огромная белая полоса остается за кораблем—след работы нашего винта.

Хотя нет ветра, но сила хода так велика, что вода захлестывает бак.

Моряки любят, когда корабль дает «полный», и обычно всякий раз стараются не пропустить такого случая: все собираются у бортов, даже похожие на негров кочегары, у которых под слоем чернейшего загара, различаешь только зубы и белки веселых глаз.

Группа военморов на палубе ведет дискуссию, критикуя ход соседнего корабля.

Впрочем, надо отметить, что все военморы без исключения являются большими патриотами своего корабля и обычно охотно критикуют соседей.

Итак, наш «задраенный» корабль идет полным ходом.

Спасаемся ли мы от противника или нагоняем его—неизвестно. Ничего не видно.

Вдруг толчок.

Это наш минный аппарат выстрелил по лодке.

Наш командир во-время заметил опасность. Подводная лодка обнаружена и вскоре всплывает поодаль.

Что это впереди?..

Однако, опасность еще не миновала. Балтийское море велико и в любой момент в самом неожиданном месте может на секунду-две мелькнуть черная точка на море—перескоп, дающий возможность заметить, где противник, после чего перескоп снова скрывается—ищи точку на море—жди, пока черное пятнышко снова покажется где-нибудь на несколько секунд.

Уже при небольшом волнении его чрезвычайно трудно, иногда почти невозможно заметить.

Визиты англичан

Звуки горна, где-то совсем близко над самым ухом, поднимают нас с коек. Бросаемся к открытым иллюминаторам. Корабль идет быстро, и брызги залетают в каюту.

Играют утреннюю повестку—под'ем флага на корабле. Торжественная минута. Все находящиеся на палубе независимо от служебного положения выстраиваются вдоль бортов и стоят смирно, пока горнист не даст отбой.

Солнечное утро. Гуляем по палубе. Моряки рассказывают о своей жизни.

Как-раз проходим в тех местах, где в начале войны был потоплен германской подводной русской крейсер «Паллада». Крейсер потонул в две минуты. Не спаслось ни одного человека.

Смотр

батарея, оказавшаяся там, где они меньше всего ее ожидали, заставила их сдаться, пьяные офицеры признались, что шли в полной уверенности, что по ним даже не станут стрелять.

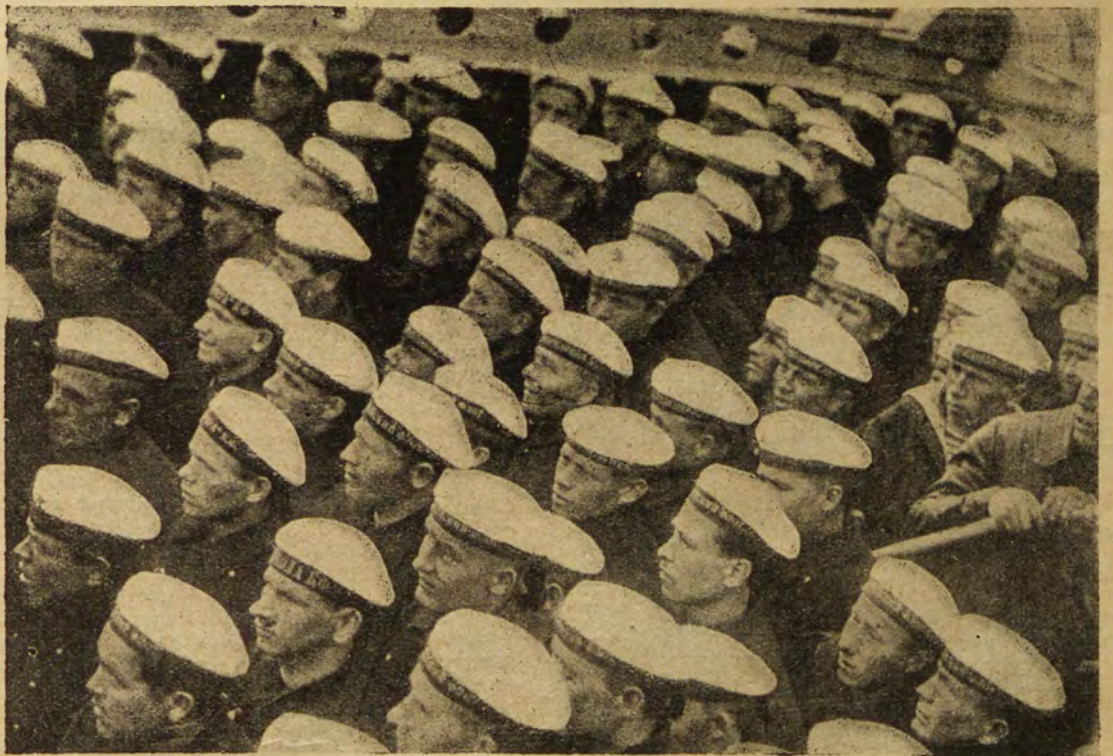
Дорога смерти

Много рассказов есть во флоте об его боевом прошлом. Но мне хочется привести еще только один случай, совершенно небывалый в истории военного флота и у нас неизвестный.

Когда на английские мины наскочили три миноносца, с ними был и эсминец «Летун».

Очувшись среди минного поля и случайно избежав столкновения с миной, командир эсминца не растерялся. Назад идти уже нельзя было, мины были кругом, и командир приказал развить, мало сказать полный—беженый—ход вперед.

Рискуя взрывом машин, эсминец чуть ли не летел по воздуху. Он шел так быстро, что мины рвались у него за кормой. Командир неожиданно, молниеносно учел тот факт, что между моментом столкновения с миной и взрывом ее пройдет несколько секунд,—время, вполне достаточное для того, чтобы небольшой сравнительно корабль мог пройти эту коротенькую, но подлинную дорогу смерти.

Перед шефами комсомольцами, перед членами правительства, перед рабочими Ленинграда

Опять ныряют подводные лодки, выполняя какой-то сложный маневр. Насколько удачно он выполняется—судить невозможно, потому что надо вычислить всяческие сложные кривые углы и т. п. вещи.

Проходим место, где в 1919 г. на расставленном англичанами минном поле погибло три прекрасных советских эскадренных миноносца. Это были времена, когда британский флот командовал безраздельно не только в Балтийском море, но даже в Финском заливе, когда британские истребители пиратскими набегами подходили к са-

И, действительно, корму, наименее жизненную часть военного корабля разнесло, разворотило взрывами, и эсминец вернулся в базу без кормы, но сохранив людей.

Возвращаемся из похода. Над головами кружат наши гидро. На баке—импровизированный «вечер самодеятельности».

Поет украинский хор. Собственный джаз-банд на ведрах, метлах, чайниках, мисках и т. п. музыкальных инструментах играет любую вещь по заказам публики. Надо отдать должное—играют так, что не стыдно и в Москву.

ГОЛЬФШТРОМ

А. Р. ПАЛЕЙ

Посвящается Е. Зозуле

Фантастическая повесть

Рис. Г. ГОЛЬЦ

ГЛАВА I

Проект инженера Тома Хиггенса

24 апреля 1947 года мистер Джон Хаггард, король свиных туш, сидел в своем кабинете на сто сорок шестом этаже небоскреба на 45-й улице— в 11 часов дня—как ежедневно в этот час.

24 апреля 1947 года, в 11 часов дня, на дюр-алюминиевой стене вспыхнула лампа, и голос из рупора сказал:

— Восенный инженер Том Хиггинс.

Лицо свиного короля, подобное маске, не изменилось. Он нажал кнопку и ответил в трубку:

— Поднимите.

В 11 часов 2 минуты Том Хиггинс вошел в кабинет.

— Я приступлю прямо к делу.

Свиной король слушал.

— Главный штаб отверг мое предложение. Они находят, что 25 миллиардов долларов слишком большая сумма. Я предлагаю акционерное общество. Цель—постройка плотины для изменения направления Гольфштрома. Климат Северной Америки резко изменится в сторону потепления. Расходы окупятся, самое большее, в 3—4 года. Европа, конечно, погибнет.

— Плевать.

Свиной король был прав: Европа уже десять лет ничего не покупала. Она представляла союз социалистических государств. Все нужное производилось внутри страны. Гангрена коммунизма раз'едала Азию и Африку.

— Пляц постройки?

Инженер вынул из портфеля широкую алюминиевую пластинку. Чертеж был гениален и так прост, что легко был понятен и не-специалисту. Ширина основания плотины по дну океана—4 километра. Кверху суживается. Поднимается над уровнем моря на 25 метров. Ширина верха 60 метров. По верху—дорога, аллея для прогулок. Инженер вынул вторую пластинку. Это была карта Гольфштрома после постройки плотины. Мощный поток уклонялся к западу. Все было понятно без слов.

— Олл-райт!—сказал свиной король, и маска его дрогнула одобрительно. Инженер самодовольно улыбнулся и бережно спрятал пластинки.

Джон Хард подписал и протянул ему чек: один миллиард долларов.

Инженер отрицательно качнул головой.

— Успеете. Капитал соберем на учредительном собрании акционеров. Я сейчас отправлюсь к миссеру Картеру.

Картер—спиртный король. В 1929 году, наконец, увенчалась успехом славная кампания общественного мнения Соединенных Штатов Америки в пользу отмены запрещения продажи спиртных напитков. С тех пор развился и окреп могущественный концерн Картера по производству спиртных напитков. Европа не покупала спирта. Картер будет крупным акционером общества постройки плотины.

— Олл-райт!—еще раз одобрительно произнес свиной король.

24 апреля 1947 года в 11 час. 20 мин. Том Хиггинс вышел из кабинета свиного короля.

Мистер Картер на собрании акционеров произнес речь:

— 25 миллиардов долларов стоит вынуть из оборота трестов. Деньги скоро вернутся. Богатство страны увеличится во много раз. Европа покроеется вечным льдом. Нам не придется бояться пропаганды III Интернационала. Мистер Хаггард тысячу раз прав. Я тоже подписываюсь на один миллиард долларов.

Почтенное собрание одобрительно замычало.

В течение учредительного заседания подписка на 25 миллиардов была покрыта с избытком.

Через неделю все формальности по утверждению устава и регистрации нового акционерного общества были выполнены. На одном из нижних этажей дюр-алюминиевого небоскреба Хаггарда по ночам светилась радиевым светом вывеска:

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «ГОЛЬФШТРОМ»
Постройка плотины в Атлантическом океане.

В оперативных залах правления за длинными столами сидели изящные юноши-клерки и очаровательные машинистки, похожие на прелестные игрушки из северского фарфора. Стены вспыхивали лампами радио-телефона. Инженер Хиггинс, председатель правления, до глубокой ночи сидел в своем кабинете со слуховой трубкой на каждом

ухе, не снимая рук с клавиатуры кнопок. Дежурные секретари, сменявшиеся каждые три часа, через определенные промежутки времени вкладывали ему в рот питательные лепешки.

Каждая газета отвела особую полосу информации относительно общества «Гольфштром».

Цены на строительный материал разом поднялись на 200%. Но общество «Гольфштром» быстро уничтожило панику, приобретя огромную гранитную гору на западе и устроив там грандиозные каменоломни. Были открыты неслыханных размеров цементные заводы. В одном из восточных штатов был устроен склад строительных материалов, равный площади города Вашингтона. Была начата постройка железной дороги от склада к одному из океанских портов.

Мери Портен с благоговением смотрела в лицо Хиггинса. Это было в теплый майский вечер. Она дежурила в конторе правления. Только что прошел благоуханный весенний дождь. Окна были раскрыты настежь и в четырнадцатый этаж приглушенно доносился уличный гул Нью-Йорка.

Мери Портен—машинистка. Она похожа на северскую статуэтку, и ей восемнадцать лет.

Мери с благоговением смотрела на Хиггинса. Он казался ей гораздо больше, чем человеком. Она сама не заметила, как прошептала:

— Ах, как я вас люблю.

В душе и лице Хиггинса дрогнуло что-то давно забытое и прекрасное. Лампочка радио-телефона зажглась. Глухой голос из рупора сказал:

— Подвижной состав для железнодорожной линии готов. Завтра будет доставлен. Наши цены...

Мери Портен долго сидела одна у потемневшего окна. Дальние зарницы освещали небо. Плыли разорванные облака. Внизу тянулись ленты фонарей и похрюкивали сирены.

ГЛАВА II

Заседание ЦИК СССР Старого Света

Дворец Труда и Мира на Центральной Площади Женевы был празднично иллюминирован в честь десятилетия годовщины основания Союза Советских Республик Старого Света. Десять лет назад в этот день был подписан торжественный акт о присоединении Японии к Союзу.

У высоких причальных мачт плавно качались дирижабли, привезшие делегатов союзных республик. На площади, вблизи дворца и в ангарах стояли аэропланы и авиетки, на которых прилетели депутаты ближайших городов. Толпы народа заливали улицы и площади.

Ровно в 12 часов ночи открылся пленум ЦИК СССР Старого Света. С приветственной речью выступил председатель РСФСР М. И. Калинин. Несмотря на преклонный возраст, голос его звучал сильно и благодаря радио и громкоговорителям был слышен одинаково хорошо во всех точках земного шара.

— Товарищи,—начал он. Я не буду говорить пышных юбилейных фраз. Достаточно напомнить славный путь, пройденный нами за это десятилетие, и факты сами скажут о себе лучше, чем самые торжественные слова.

Вы все хорошо помните события, разыгравшиеся в Китае и в Англии в 1926—1930 годах. Китайская революция, победоносно завершившаяся в 1929 году, способствовала присоединению к нашему Союзу не только этого огромного государства, но и всего материка Азии, включая обширные владения Англии и Франции.

— Это был последний сокрушительный удар по империалистической Англии, уже четыре года борющейся против нашего Союза с помощью бесконечных интриг и заговоров. В следующем году ее пролетариату, освободившемуся, наконец, от влияния соглашательских вождей и объединившемуся под руководством коммунистической партии, удалось окончательно взять власть в свои руки. С тех пор не стало Британской империи. На ее месте—Социалистическая Республика, член нашего Союза. Бывшие колонии Англии в Африке и Австралии поделили между собой Соединенные Штаты Америки и Япония.

— Вы помните взрыв негодования и ужаса среди буржуазии остальных стран Западной Европы после падения Британской империи. Италия явилась застрельщицей крестового похода буржуазных стран против нашего Союза. Но уже фашизм был свергнут, и разразившаяся

Когда громкоговоритель разразился громом аплодисментов публики Дворца Труда и Мира, мистер Перкинс бросился к столу и, схватив тяжелое чугунное пресс-папье, в остервенении принялся колотить им в чем неповинный аппарат. Он захрипел и очень быстро замолчал. Остальные мистеры с неподдельным ужасом смотрели на эту картину. Все мистеры, мистрисы и мисс Нью-Йорка, Чикаго, Сан-Франциско и других городов Америки очень плохо спали в эту ночь.

пролетарская революция присоединила и эту страну к Союзу Советских Республик.

— Обезумевшая буржуазия продолжала ожесточенную войну, которая закончилась в 1933 году Последней Европейской Революцией. В результате ее в наш Союз вошли Германия, Франция и остальные страны Европы.

— Буржуазная островная Япония, поддерживаемая могущественной Америкой, дольше всех сопротивлялась натиску своего пролетариата. Но круг, замыкавший ее, неуклонно суживался. После китайской революции от нее отошли все азиатские владения. Зато ей удалось превратить всю Африку в свою огромную объединенную колонию. Только в 1936 году народам Африки, беспощадно эксплуатировавшимся, удалось сбросить гнет поработителей и присоединиться к нам. Тогда трудящиеся Японии подняли восстание и, наконец, в 1937 году этот последний оплот буржуазии в Старом Свете превратился в Социалистическую Республику.

— Товарищи, не будем закрывать глаза на те трудности, которые еще стоят на нашем пути. Они неизмеримо велики. Могущественное государство американской буржуазии страшной угрозой стоит перед нами. Оно властвует над всей территорией Северной и Южной Америки, Австралии и прилегающих к ним бесчисленных островов. Базируясь на неограниченных природных богатствах и великолепной технике, оно неутомимо обдумывает планы уничтожения Союза Советских Республик.

— Но капиталистический мир погибнет жертвой собственных противоречий. Среди раздавленных и обессиленных рабочих и служащих Америки и Австралии все больше и больше нарастает глухое недовольство. И если капитализм не падет в схватке с нашим Союзом, то он будет взорван изнутри, как паровой котел.

— Товарищи,—голос Михаила Ивановича напрягся и зазвенел молодой бодростью и энергией,— наш путь неизменно ведет к победе. Пусть этот страшно тяжел, но прям и прост и характеризуется всего двумя лозунгами: не сдаваться и не отступать.

Оратор кончил. Переводчик повторил последнюю фразу на французском языке. Далеко не все в зале понимали и этот язык. Но я (автор) по независимой от меня причине (недостаточная сила художественной изобразительности) не умею передать ту бурю восторга, которая разразилась после речи любимого вождя. Если я скажу, что эта речь потрясла всех слышавших ее подобно могучему электрическому току, то это будет только значить, что фантазия писателя приписывает электрическому току совершенно неправдоподобную силу.

В огромном зале рабочего клуба Кантона, вмещавшем около трехсот тысяч человек, царил благоговейное молчание. Из рупора лилась речь Калинина. Переводчик с возвышения повторял ее на китайском языке. И даже тогда, когда громкоговоритель, выдержав длительную паузу, разразился громом аплодисментов публики Дворца Труда и Мира,—в зале не раздавалось ни одного звука, ни одного рукоплескания. Желтые лица были неподвижны, узкие щели глаз горели нестерпимо ярким огнем, сотни тысяч тонких губ шептали слова ненарушимой клятвы.

В освещенной белым, почти дневным, радиевым светом комнате, в двенадцатом подземном этаже одного из крупнейших зданий Нью-Йорка был устроен временный тайный радио-приемник, настроенный на запрещенную длину волны. Сжав до минимума дыхание, слушала кучка рабочих речь Калинина. Один из них переводил, путаясь и запинаясь. Здесь, в стране угнетения рабочих, эта речь звучала несколько по-иному—не только торжественно-приветственно, как в Женеве, но и неуверенным боевым кличем.

Кто из рабочих спокойно мог слушать эту речь?

Кто мог спокойно слушать ее из поработителей?

На сто восемнадцатом этаже того же небоскреба в деловом кабинете мистера Перкинса¹ тоже находился радио-приемник, постоянный и несколько не тайный. Кроме Перкинса, присутствовало 5—6 человек наиболее крупных чиновников. По три лакея на каждого—услуживали, подавая фрукты и вина столетней давности.

Громкоговоритель произносил те же волнующие слова, немедленно передаваемые находившимся в комнате переводчиком. Так же сильно было впечатление от них, но оно проявлялось

в несколько иных формах. Мистера Перкинса корчило, словно он страдал от заворота кишек. Маленький, подвижной, чернявый мистер Кавендиш в точности напоминал соляной столб, в который превратилась супруга одного из библейских персонажей. Если бы мистер Пэрн был женщиной, то с большой долей вероятности можно было бы предположить, что у него начинаются родовые схватки. Будь в комнате какой-нибудь посторонний спокойный наблюдатель, он, несомненно, от всей души пожалел бы бедного мистера Перкинса, горло его сводило судороги, как от водобоязни, и шампанское столетней давности упорно шло назад.

Лакеи, впрочем, наблюдали своих господ, но, кажется, не вполне им сочувствовали.

ГЛАВА III

Неожиданное известие, которое можно было предвидеть

За спиной председателя торжественного заседания загорелась ослепительно-яркая лампочка радио-телефона. Секретарь подошел к рупору. Пока он слушал, на его каменно-твердом лице ничего не отразилось. Он вернулся к председателю.

Заседание продолжалось.

Председатель встал.

— Товарищи!—произнес он.—Характер нашего заседания меняется. Из торжественного оно превращается в деловое. Мы сейчас получили известие, что акционерное общество инженера Хиггинса уже приступило к делу. Работа идет с невероятной быстротой. Они пытались сохранить работы на некоторое время втайне, но это им не удалось. Уже закладывается фундамент грандиозной плотины. Нам, следовательно, фактически объявлена последняя решительная война не на жизнь, а на смерть. С этой минуты мы, ваши избранные,—штаб борьбы. Сейчас откроется объединенное заседание ЦИК и Реввоенсовета Старого Света. Прошу освободить зал, чтобы мы могли спокойно выработать основные военные мероприятия. Скорее, товарищи, времени мало.

В глубочайшем молчании встали массы трудящихся, заполнявшие огромный, сияющий светом зал. Стройными колоннами направились к выходу. Где-то в толпе зародились звуки «Интернационала». И через минуту гимн торжествующей революции гремел над всей Женевой. Было бы бесполезно пытаться расслышать слова песни. Произносимые на всех языках мира, они перекрывали и заглушали друг друга. Тем отчетливее звучал мощный интернациональный мотив.

Телеграфист на ст. Зайцево принял шифрованную радиотелеграмму и передал ее по телефону в уисполком. Вставало солнце. Над газовым убежищем завился красный флаг с видной издали белой надписью: «Открыто днем и ночью». Миллионы таких флагов в тот же час взвились по всей Европе, Азии и Африке.

Над Москвой горела заря. Комсомолец Майя и комсомолец Ким, возвращаясь из клуба, поцеловались у Никитских ворот. Им казалось, что весь мир вливается в них с яркой весенней зарей, с нежным предутренним холодом. Миллионы белых листов посыпались с аэроплана. Ким поднял один из них:

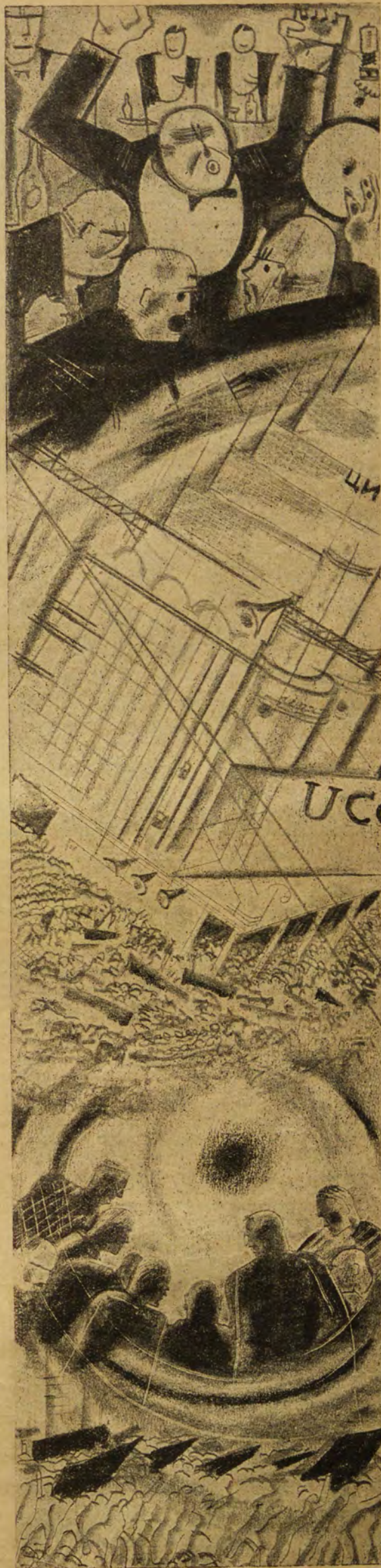
«Товарищи! Наступил неизбежный час, подготовленный всем ходом мировой истории. Начинается последнее столкновение между социалистическим и капиталистическим миром. Как и всегда, инициативу выступления взяли на себя капиталисты. Американская буржуазия приступила к постройке грандиозной плотины, которая должна изменить течение Гольфштрема и сделать теплее климат Америки. Европа же должна покрыться ледниками и погибнуть. Благодаря колоссальным техническим средствам Америки, постройка идет невероятно быстро. Все воздушные и морские военные силы Америки охраняют ведущие работы. Необходимо напрячь всю энергию, чтобы уничтожить постройку и раз навсегда сломить военные силы Америки. Начинается война. Все—на защиту революции. Это—последняя борьба. Мы выйдем из нее победителями. У нас есть союзник—пролетариат Америки, разрозненный и обессиленный, но горящий ненавистью к угнетателям. У нас только два лозунга: не сдаваться и не отступать.

ЦИК СССР Старого Света.

Совнарком Старого Света.

Реввоенсовет Старого Света».

(Продолжение следует)

¹ Перкинс и К⁰—заводы для утилизации продуктов горения и дыхания.

КРАСОТЫ ГОРНО

Очерк С. М.

В каменном ящике под ключом набирают воду и в нем же стирают белье

Южным берегом далеко не исчерпываются богатства Крыма. Туристу, который пожелает соединить летний отдых с изучением живой книги истории, следует обратить особенное внимание на горы и долины, лежащие вне всеми посещаемой зоны, которые обычно об'езжаются или до которых не добиваются.—Это, так называемый Горный Крым. Отнюдь не курортный Крым—Алупки, Мисхора, Ялты и Гурзуфа—должен манить к себе туриста.

Горная Таврида

На всей обширной территории нашего Союза трудно найти другой уголок, где с такой причудливостью и оригинальностью переплелись бы самые сложные узлы истории, бытового своеобразия, этнографической пестроты и природного великолепия. Горная Таврида не любит повторяться.

Вот маршруты, мало использованные туристами.

На земном шаре не сохранилось ничего подобного.

Путешественники, начинающие осмотр Крыма с Бахчисарая (а большинство специалистов сходится на том, что именно с Бахчисарая и следует начинать) могут совершить ряд лучевых путей в недра Горной Таврии или, в целях экономии

времени и средств, соединить эти отрезки в одну извилистую линию. Мы рекомендуем осмотр производить следующим образом. Выйдя из Бахчисарайского предместья Азиз, богатого архитектурными древностями татарско-сельджукской культуры, путешественник попадает в живописнейшую долину реки Качи. Здесь расположены два мертвых пещерных города: Качикален и отдельно стоящий таинственный исполин Тепе-Кермен. Оба города следует по возможности внимательно осмотреть. Насколько нам известно, нигде на земном шаре не сохранилось ничего подобного. Кругом расположены красивейшие ущелья с причудливыми фигурами горных выветриваний. Затем через деревни Шура, Биа-Сала, Улу-Сала, Ауджикой и Коуш дорога идет по глухим живописным и исторически замечательным местам. Везде много следов старины и в частности готское кладбище и церковь в дер. Биа-Сала. У татар можно услышать интересные предания, сказки и легенды. Население этого района гостеприимно. Путь от Бахчисарая до Коуша (23 версты) может быть хорошо уложен в два дня, а при условии более внимательного осмотра—в 3 дня, с ночевками в татарских деревнях. Из деревни Коуш возможно

подняться на Яйлу в ее наиболее дикий и величественный участок. Виды, открывающиеся с высоких точек Таврических гор: Гурбет-дере-Богаза, Чучели, Роман-Коша, Гаврель-Богача и другие—являются замечательнейшими горными видами. По Яйле (пастбища на высих гор) возможно совершить прогулку к западу по направлению к Ай-Петринскому шоссе, откуда спуститься в деревню Коккоз и уже по шоссе продолжать путь обратно в Бахчисарай. Но самый заманчивый путь для интересующегося Горной Таврией лежит обратно на север, вниз по лесистым склонам к деревне Бюк-Узенбаш. Эта деревня принадлежит к интереснейшим в Крыму. Закрытая дикими горами она лежит в глубокой впадине и изобилует бытовыми пережитками, которые трудно встретить в других местах. С трудом верится, что в каких-нибудь 20—30 верстах отсюда за горами находится роскошный город и европейский курорт Ялта. Немного в стороне от рядом лежащей деревни Кучук-Узенбаш, по дороге на Коккоз лежит дикое и таинственное урочище Бойка. Здесь много одичалых садов и отличных горных родников. Местами попадаются развалины. Это остатки существовавшего в глубокой древности готского или гре-

ческого города от потомков которых по преданию и произошли жители Кучук-Узенбаша, эти грекоподобные татары. Деревня Коккоз лежит в более оживленной местности по шоссе, идущему с Бахчисарая в Ялту через Ай-Петринский перевал. Но мы советуем продолжать путь далее в глушь Таврии, вдоль северных склонов Яйлы. Обогнув последнюю, вы попадете в обширную и плодородную Байдарскую долину, где расположено семь деревень, одна другой живописнее.

Из Байдарской долины можно по очень живописному спуску пробраться к Форосу. Южный берег в этом участке, кстати, наиболее вытянувшимся к югу, величественен и суров.

Другой путь

из Коккоза лежит через деревни Адым-Чокрак и Ходжа-Сала к руинам мертвого города Мангуп-Кале. Путешественники разных стран посетили это подоблачное мертвое царство, и все они сходятся на том, что «ничто в какой бы ни было части Европы не превосходит ужасной величественности этой местности». В самом деле, на неприступной выси над буйно цветущими склонами царят величественные стены. Сохранились развалины дворца готских князей, которые существовали в Крыму до 15 в., а по многим источникам вплоть до 18 в. Среди крепостных руин множество высеченных в скалах крипт (пещер). Из деревушки Ходжа-Сала, расположенной у подножия горы Мангупа-Кале, путь идет через Каралез в замечательную по оригинальности деревню Черкез-Кермен. Эта деревня выстроилась в очень узком ущелье, и некоторые дома вырублены в скале. Пастбища для скота расположены наверху в горах. Некоторые крестьяне там же имеют свои поля. Над деревней царит башня Киз-Куле, и рядом с ней метрвый город Крипт.

Другие интересные маршруты по Горной Тавриде могут быть составлены таким образом. Из Бахчисарая на Суйрень и затем в густо населенную Каралезскую долину. Далее, мимо Мангупа-Кале на Шулю, Чоргунь и в Балаклаву. Из деревни Учунджа возможен очень интересный подъем на Яйлу через старейший в Крыму Ай-Дмитровский лес. Для тех, кто не пожелает спуститься на Южный берег по Ялтинскому шоссе или по одной из тропинок на другой курорт, может быть указан крутой, но очень своеобразный спуск на деревню Стилю, откуда можно пробраться через глухую Таврию до Бахчисарая или даже до Симферополя.

Эти извилистые маршруты по Горной Таврии удобнее всего сделать пешком небольшой группкой в 5—8 человек. Необходимо взять проводника, так как горные тропинки местами еле различимы, и легко можно заблудиться. Следует запастись хорошими картами и дорожной аптечкой. Пищу по возможности захватить с собой и нагрузить на одну верховую лошадь, которую можно недорого нанять вместе с проводником. Но пищу можно достать и в большинстве деревень. При под'еме на Яйлу следует запастись водой, так как высшие точки Таврических гор безводны. Если предстоит ночевка в горах, необходимо иметь теплое платье, лучше всего фуфайки. Привалы следует делать несколько ниже вершины по северным склонам. Хорошо набрести на Чабанский Кош (стоянка горных пастухов) и провести ночь с чабанами.

По южному берегу

Южный берег Крыма помимо курортных богатств и художественных достопримечательностей представляет большой интерес в историко-культурном отношении.

Пещеры у Мертвого города Мангуп-Кале

Старое «Дюрбе» в Азизе

На Яйле

ГО КРЫМА

По нашему маршруту осмотр Южного берега начинается с Алушты и может явиться продолжением прогулки по Восточно-Крымскому побережью.

Путешествие за облака

Прежде всего заслуживает внимания обширная Алуштинская долина, раскинувшаяся в объёме пестрого амфитеатра гор. Впереди сереет всем известный Чатыр-даг, замечательный сталактитовыми пещерами и открывающейся с него панорамой почти на весь Крымский полуостров. С правой стороны чудно смотрит фиолетово-желтая Демерджи, налево суровый и самый дикий в Крыму Бабуган. Под'ём на каждую из трех гор интересен и не представляет особых трудностей. Возможно об'единить осмотр трех гор в один круговой маршрут, но в таком случае, разумеется, путешественник отправляется за облака на пару дней и должен быть готовым к некоторым лишениям. Круговой маршрут по горам, господствующим над Алуштой мы предлагаем начать с Бабугана. Это очень величественный и яркий путь. Ночевка предстоит в Космо-Дамианском монастыре. Кругом суровые лесные горы. В лесах — заповедник оленей. С Космо-Дамианского монастыря под'ём на Чатыр-даг нетрудно отыскать. Чатыр-даг имеет непосредственное сообщение с горой Демерджи.

Из Алушты продолжаем путь по Южному берегу Крыма. По дороге к Гурзуфу интересно подняться сперва на Кастель-гору, а затем на Аю-даг. На обеих горах сохранились древние развалины.

Из Гурзуфа путь продолжается мимо Никитского сада и деревню Никита в Ялту и далее по курортной полосе до Симеиза. С некоторых пунктов возможен под'ём на дикую Яйлу для ознакомления с ее южными склонами. В районе много водопадов. Растительность субтропическая. Здесь созревают лучшие сорта винограда.

От Симеиза дальше к западу Южный берег делается менее приветливым, но зато наблюдатель вознаграждается тем, что снова попадает в район одичалых красот и суровых высей. Тропа удаляется от моря, и последнее делается местами неприступным.

Перевалив через Байдарские ворота, можно добраться до рыбацкого греческого городка Балаклавы, а в Севастополь трамваем или с рыбаками на ялике.

По восточному Крыму

Мы рекомендуем проехать на пароходе от Севастополя до Феодосии (стоит 4 р. 90 к.), чтобы оттуда начать осмотр Восточного Крыма. С палубы, как на экране, пройдет Крымское побережье: пестро мелькают горы, долины, города, курорты, деревни, дворцы, скалы и морские пляжи.

Город Феодосия заслуживает большого внимания. Отличный музей и хорошо сохранившаяся архитектура знакомят с прошлым когда-то величественной и мощной Кафы, бывшей крупнейшим международным рынком.

От Феодосии до Судака 52 версты. Вся местность изобилует великолепными местами, которые с успехом могут заменить дорогой и мало доступный Южный берег. Здесь поразительная дешевизна продуктов и фруктов.

В 19 верстах от Феодосии вблизи моря расположена деревня Коктебель с болгарским населением. В Коктебеле чудесный пляж, и сюда многие приезжают для сбора разноцветных камней. Необходимо осмотреть величественную гору Карадаг.

Дикой величественной красоты места на пастбищах горной Татари

Далее следует богатая и плодородная Отузская долина, а затем, за горами Эчкидаг и Эльтигеном — еще более урожайная на виноград знаменитая Козская долина. Виноград этого района несколько уступает по качеству южно-бережному, но зато его здесь много, и он очень дешев. В районе сильно развито виноделие.

От деревни Коз до Судака остается еще 12 верст. Небольшой полуостров, расположенный между горами Куль-Оба, Манжул, Алчак и Адрыч представляет собой пустынную, крайне живописную местность. В древности здесь было большое гунезское поселение, о чем свидетельствуют развалины на мысе Меганоме.

Судакская долина

превосходит всякие ожидания: она потонула в виноградниках, над которыми высются лесистые скалы и руины. Над морем висят причудливые утесы. Отлично сохранилась интереснейшая в мире гунезская крепость. Крепость имеет 10 величественных башен и расположена на крутом к морю обрыве. За последние годы Судак привлек внимание ученого мира, и теперь здесь ежегодно производятся раскопки. В Судаке образован музей. Некоторые участки крепости ремонтируются и реставрируются. По Судакской крепости имеется отличный путеводитель, написанный А. Полкановым.

Из Судака путь продолжается по морскому побережью на запад. Имеется шоссейная дорога и более короткая береговая тропинка. Местность очень дика и бедна поселениями.

Особенное внимание следует уделить небольшому району деревень, расположенному по соседству с древним укреплением Чабан-Куле. Только в деревнях этого района: Ай-Сересе, Вороне, Шелене, Капсхоре и других — возможно изучить древне-татарский быт почти в нетронутым виде. Кстати, эти деревни очень живописны и удалены от моря на небольшое расстояние.

Из этой местности рядом деревень советуем проехать на Карасубазар.

Карасубазар своеобразный восточный городок. Очень богат памятниками татарско-сельджукского зодчества. Карасубазар частично населяет интересная народность, — крымчаки — евреи по происхождению и религии, татары по языку и образу жизни. Крымчаки ничего общего не имеют с другой крымской народностью — караимачи.

Для полного ознакомления с Восточным Крымом следует еще посетить город Старый-Крым, древнюю татарскую столицу Солхат. Раскопки прошлого года обогатили науку необычайными материалами древности и открывают новую эру в понимании золотоордынского периода крымско-татарской истории. Удалось раскопать древнее медресе (высшее татарское училище), Каравансарай и т. д. В дальнейшем быть может удастся найти под землей остатки когда-то знаменитого Хатырша-сарая, дворца Солхатских ханов.

На осмотре Старого Крыма мы и предполагаем закончить маршрут по Восточному Крыму.

Пещерное судилище в Тепе-Кермене

500-летний дом в Бахчисарае

Над долиной

ЗРЯ НЕ БУДУТ ЛЕТАТЬ НАШИ ПУЛИ

Стрелковое дело — одно из важных звеньев в цепи обороны. Организуем стрелковые кружки при всех предприятиях, учреждениях, в деревнях. Если нет винтовок — будем развивать меткость стрельбой из лука, метаниями в цель

МОЖНО ПОСТРЕЛЯТЬ?

Сквозь дребезжание трамвайных вагонов, цокот лошадиных копыт и ругань извозчиков, сквозь сутолку и шумиху, широко разливающуюся в будничном дне вокруг Сухаревской башни, вы ясно и отчетливо слышите.

— Выстрелы.

— Это тир. Стрелковый тир союза строительных рабочих.

Длинной, серой и зубчатой лентой вытянулся забор Краснопереконских казарм. Тир находится тут же, за воротами. Проходим мимо часового и сразу же через маленькую дверь попадаем в низенькую, темную, как бы сплюснутую, комнату. Освещенный квадрат оконца у внутренней двери привлекает ваше внимание. Здесь сидит заведующий тиром, он выдает патроны.

— Вы какой группы, товарищ? — монотонным голосом спрашивает он вошедшего, просунув голову в оконце. Посетитель смущенно моргает ресницами:

— Я щ той... ну... ах, ты чорт, ну, да, которая два раза занималась... Опоздал...

— Получайте патроны.

Пять боевых патронов и бумажная мишень.

У окошка толкотня. Каждый ждет своей группы, ждет своих патронов и своей очереди к стрельбе.

14 постоянных групп занимаются при [тире]. Эти стрелковые группы, создающиеся на местах при месткомах и группкомах, проходят вначале у себя на местах — «домашнее обучение» — малокалиберная и дробовая стрельба. Только после того, как они уже достаточно набили себе руку, они являются в тир и здесь уже в 16 уроков по два раза в неделю проходят курс стрельбы из боевых патронов.

Конечно, большинство этих групп (их десять) принадлежит к союзу строительных рабочих, и только 4 группы принадлежат к союзам кожевников, рабрпоса и коммунальщиков. Кроме этих учебных групп, здесь обслуживаются члены тира и индивидуальные профсоюзники. В общем в месяц тир в среднем пропускает до 1½ тыс. человек.

— Товарищ, сегодня можно пострелять?

С этими словами в окошко влезает «слишком» юная голова.

— Во-первых, сегодня занимаются только группы, для индивидуальных ход завтра, а, во-вторых, ты все равно еще мал, чтобы стрелять.

— Ма-ал?!

Как жестоки и черствы люди. Как легко и бездушно наносят они удар 14-летнему сердцу.

Неужели он никогда не выйдет из этого проклятого возраста, когда каждый человек ежеминутно дергает его за самую что ни на есть большую струнку: возраст. Ужасно...

А таких много. Каждый день десятками они являются в тир, слезно молят разрешение пострелять и неизменно получают суровый ответ — «мал еще, подрастешь».

Подумайте немного и знайте, ведь основную массу посетителей тира составляет молодежь от 16 до 25 лет — почти 90% всех стреляющих.

Надо отдать им справедливость, ребята любят это дело. На занятия группы все являются аккуратно, не опаздывая и не пропуская. Результаты не заставляют себя ожидать. Если к началу занятия для группы рекордом является 50—60 очков из ста возможных, то к концу занятия этот средний рекорд поднимается до 70—75 очков из ста возможных.

Конечно, внутри самой группы каждый усваивает по-разному. Одни легко и быстро усваивают все указания инструктора, — другие, наоборот, с большим трудом. Последние в большинстве случаев являются сезонниками, которые вязнут в стрелковых терминах.

— Ну, пойми же ты, человек, что, когда ты совмещаешь прицельную рамку с мушкой и наводишь на диафрагму...

Вот строитель с голубыми серьезными глазами, сжимая в руках винтовку, внимательно слушает объяснение инструктора и... ничего не понимает.

Приходится начинать сначала.

— Пойми же...

Только после третьего объяснения он, наконец, осмысливает все эти диафрагмы прицельной рамки и начинает стрелять более или менее правильно.

Несколько ступенек вниз деревянная дверь, мы входим непосредственно в тир. Длинный земляной коридор упирается в фанерную стенку, на которой прикреплена бумажная мишень. В воздухе чувствуется приторно-сладковатый запах порохового дыма. У входа на листах фанеры, широко раздвинув ноги, лежит стрелок и, склонив голову к затвору, целит в мишень.

Все молчат, ждут...

Никто, — ни мы, ни инструктор, ни даже сам стрелок не знают, когда будет выстрел. И это хорошо, это правильно. Только новички не в меру суетливы и напряжены, всегда сразу дергают курок, знают, когда будет выстрел и от этого знания сердце начинает быстрее биться, нервы натягиваются, словно струны, рука дрожит и пуля шлепается в землю перед мишенью.

Хороший стрелок спокоен и хладнокровен. Он знает, что винтовка не заряжена, что курок не соскакивает, что никакого выстрела не будет. Медленно и спокойно нажимает курок: еще на волосок... Еще на волосок... Спокойно...

Неожиданно раздается резкий грохот.

Пуля сидит в мишени.

Щелкает затвор. Опаленная порохом гильза выскакивает на землю, и вместо нее в ствол заложена новая патрон.

Замер стрелок. Минута. Стонущий грохот. Гильза выскочила. Новый патрон замер... И так пять патронов.

Но вот отзвучал последний выстрел, стрелок поднялся, приставил к стене еще дымящуюся винтовку и побежал к мишени. Мы за ним...

Первое впечатление от фанерной стенки — будто она забрызгана грязью. Но, подойдя ближе, замечаешь, что это не брызги, а десятки, сотни, а может, и тысячи отверстий больших, средних, маленьких, пробитых пулями и дробинками.

Наш стрелок подбежал к мишени и стал ее жадно разглядывать. На самой мишени остались только три отверстия на восьмом, седьмом и пятом очках.

Стрелок почесал себе за ухом и грустно заметил.

— А две совсем проехали. Плохо.

И снял свою мишень. Ему было стыдно. Он готов был выбросить эту мишень, чтобы никто не увидел результатов, но так как присутствовали свидетели, это не совсем удобно делать; он небрежно снял ее и закинул в карман.

И, словно извиняясь, он обернулся и проормотал:

— Ведь я только второй раз...

А потом, зажав конец рубашки в кулак, бросает:

— Ничего. Научимся..

ДОМ ГРОХОТА

Мы бы насильно за шиворот приволокли сюда те сотни и тысячи скучающей молодежи, которая уныло бродит по пыльным бульварам, беспрестанно цедя папиросы, или в сумерках душного зала, нудно хихикают, лицемеря проделки Монти Бенкса. Если бы это было возможно мы бы набили десятки трамваев № 2 и высадили унылый груз у конца Божедомки у Центрального летнего клуба Совторгслужащих. И представьте, тут мы протискиваемся сквозь грандиозную толпу, и унылые могут любоваться необычайной и вместе с тем обычной для этого места картиной.

Огромный плац. Сотни загорелых мускулистых, облаченных в трусики, тел. Без конца мелькают спины, руки, ноги, головы в белом, синем, красном. Муравейник тел.

Вы видите, вон волей-бол, глядите вправо—теннис, смотрите вперед—крокет, смотрите—гордки, неправдо ли завидно наблюдать скользящих вокруг арены велосипедистов, и это еще не все. Прислушайтесь на эстраде занимается хор, не

путайте, слева—это гудит радио. Смотрите на прыгунов или на тяжело-атлетов, любуйтесь, а если хотите, перейдем дорогу, взглянем на школу плавания. Хотите искупаемся или возьмем лодку?

Довольно разговора с унылыми. Довольно фантазии. Конечно, мы не будем грузить трамвай скучающими, но как хотелось бы это сделать, ибо если бы кто-нибудь из них пришел в конец Божедомки, во-второй раз он примчался бы уже сам, скинув тяжелую одежду, сбросил обвивающий галстук и с наслаждением окунулся в 24 летних удовольствия. Правда, не одни совторгслужащие имеют арену летнего время препровождения, у многих союзов вы найдете все нами описанное, но вряд ли где-нибудь еще в Москве есть более популярный, более привлекательный для молодежи уголок, чем небольшой фанерный дом, украшенный расписными буквами, дом ружейного грохота—тир.

Да из всех достопримечательностей этого сада наиболее интересным является тир. Разрешите познакомиться с краткой его историей.

Два года тому назад свершилось его рождение. По существу тир молодой, но та Москва, которая знает его дела, постарается умолчать о «молодости». Он был одним из первых, возникших в столице. Проходили месяца, винтовки переходили из рук в руки, и через короткий срок команда центрального клуба на соревнованиях профсоюзов с Красной армией берет первое место. Осенью прошлого года состоялись межпрофсоюзные соревнования и опять берется первое место по малокалиберной винтовке и 3-е место по всем видам стрельбы. Будем кратки. Прошлой зимой наши стрелки опять на конкурсе профсоюзов берут первое место по

малокалиберной и боевому началу.

За все время винтовку брали (многие впервые) 600 человек. И теперь Центральный клуб совторгслужащих имеет 600 настоящих бойцов. В нужный момент спросите:

— Готовы?

Услышите немедленно отчетливый, как выстрел, ответ:

— Готовы!

Дом грохота, пожалуй, не дом,—маленькая цветистая избушка. Но какая толпа шевелится у входа! Каждый хочет дождаться до желанного мига—взять винтовку.

Сейчас занимаются 90—100 человек ежедневно. Новички под опытным наблюдением инструктора спускают курок, глядишь, через месяц можно сдать на разряд. Выдержавшим испытание нужно дать 48 очков из 50 возможных, и тогда ты уже «первоарзядник». Тогда ты можешь украсить грудь стрелковым значком. Обучение бесплатно. Но мало пяти выстрелов. К инструктору как бы с безразличным ви-

дом подходит кружковец, ковыряет пальцем ладонь, как бы невзначай роняя:

— Стрельнул бы еще, да...

Инструктор лукаво улыбается и разрешает:

— Ну, ладно, еще два.

Тогда уже кружковец преображается, он начинает усиленно юлить на месте, потом не выдерживает, срывается и с радостным возгласом мчится туда, где грохоча прокатывается очередной выстрел.

В воскресенье от желающих стрелять нет отбоя. Все хотят ударить по цели, все стремятся сорвать прив. Новичок, если ему удается выстрел, будет уже заниматься в кружке, если не удается тогда... тогда тем более.

Сегодня будний день и, несмотря на многие привлекательные игры, десятки гуляющих не могут пройти мимо заветного пригорка.

Мы наблюдаем эту картину с инструктором тира тов. Белевцем. По его лицу все время скользит улыбка удовлетворения. Ну, кому же, как не ему, радоваться, сам бывший кружковец, кажется, недавно сам стал заниматься, а вот теперь на соревнованиях взял 1-е место по началу.

Дом грохочет. Внутри через отверстия бойниц бьют по мишеням новички—скоро они будут сдавать своеобразную «пробу».

ОНИ СТРЕЛЯЮТ

Там тоже стреляют.

На эстраде вычечтывается новый «неподражаемый» эксцентрический танец. Из-за стеклянных дверей оперетты слышатся набившие оскомину звуки «Баядерки» и что-то «баядеристое» наигрывает духовой оркестр в саду.

Эрмитаж переполнен флангирующей по красноватым дорожкам толпой. Тут, большей частью, дышет вечерней прохладой непман,—дышет и веселится. Жуются вафли, обливаются ложечки с мороженым—и еще лотерея с незаменимыми гипсовыми пастушками и механические «рыбные» удочки.

Но вот и тир. Здесь тоже шуряют в мишень, особую мишень. Барабанщик в эполетах, грудастая амазонка, лев, акробаты. Если попасть в цель, то барабанщик взмахнет палочками, лев помахает хвостом и перекинется акробат.

Стреляет фетровая шляпа. Правда, выстрел стоит 20 и 30 и 35 копеек, правда, он уже прицеливается в 7-й раз, но барабанщик хладнокровен.

Шляпу сменяет австрийское кепи, рядом отдает 4-й двугривенный его спутник, и все-же... лев попрежнему замер с занесенным хвостом, и крепко держится в седле амазонка.

И вдруг, досадливо раздвигая толпу, к тире пробрается необычный посетитель сада. Мы его узнаем, да, да, мы его видели в одном из стрелковых кружков. Вот, он берет винтовку, у него небольшой запас двугривенных, и потому он сдержан. Стреляет всего три раза. Бормочет сквозь зубы, предупреждая:

— По барабанщику... ра-аз!

Барабанщика с треском взмахивает палочками.

— По акробату... есть!..

— Еще по льву... есть!..

— Будьте здоровы.

Стрелок равнодушно расплачивается и исчезает в темноту густых деревьев.

В

Всемирно

Л

А. ЛЕПОВ

Рис. Б. БЕРЕНДГОФ

Ровно в девять она придет. Он прицелится, нажмет собачку... Р-раз!..

Василий вздрогнул. Дальше он думать не может. Здесь была граница. За этой границей мысли разбегались, как тараканы, и их невозможно было собрать в одно.

Но только бы не промахнуться.

При мысли, что он может промахнуться, Василий почувствовал, как ледяной утюг прошелся по его спине. Нет, это невозможно. Он будет бить наверняка. Он все обдумал, все взвесил. Его рука не дрогнет!

Мысли упорно возвращались назад к тому моменту, когда он впервые увидел Катю. Это было два месяца назад в районном клубе. Мог ли он предвидеть тогда, во что выльются их отношения.

Она ему просто понравилась, пожалуй, даже больше, чем просто. Как сильно, мило и грациозно она вела свою роль горничной.

Тогда для Василия пропала вся сцена, испарилась вся пьеса. На сцене двигалась, говорила и с каждым мигом больше вторгалась в сердце Василия Катя-горничная. Когда зал взорвался рукоплесканиями, ему показалось, что все они предназначены Кате, и только ей. Но он не аплодировал. Слишком сильно и ярко сидел в нем образ горничной и он

боялся аплодисментами потревожить и расплескать этот образ.

Затем их познакомили. Катя оказалась живой цветущей девушкой, свежей, как роза после дождя. Может быть комсомольские правоучители нашли бы ее не совсем глубокой в смысле внимательной и упорной проработки резолюций партийных и комсомольских съездов. Возможно, что комсомольские моралисты сочли бы ее несколько поверхностной и чересчур живой. Пусть их!

Катя была воплощением молодости. А молодость имеет свои права, и этих прав комсомолки ни в коем случае не лишены...

Василий сжимает ручку нагана. Смотрит на часы. 8 часов 45 минут? Через пятнадцать минут...

Но он уже не хочет думать об этом. Дело решенное. И он снова возвращает свои мысли к прошлому.

...Ежедневное катание на коньках. Василий представляет себе ее изящную ногу в высоком ботинке...

Как красиво эта ножка, подкованная «английским спортом», чертит лед. Как счастлив был он пробегать с ней, перекрестив руки, по ледяному кругу, пластично наклоняясь то в одну, то в другую сторону.

Однажды, возвращаясь с катка и прижимая Катин локоть, Василий сделал попытку:

— Катя, я хочу тебе сказать...

Он замялся, а Катя, позвякивая коньками и внимательно разглядывая их, спросила:

— Ну?

Василий чувствовал, что она знает продолжение его фразы. Он не хотел ее закончить. Он только сказал:

— Катя! Ты знаешь, что я хочу сказать? Катя...

Он сделал порывистое движение. Она сделала такое же, но вдруг остановилась.

Здорово и рассудительно Катя дала понять, что в природе существует также Костя Перелевин, тот самый Костя, который занимается в спортивной секции по тяжело-атлетической части.

Ах, какой он, Василий, дурак! Как же он не замечал этого раньше. Действительно, Костя вел себя по отношению к Кате как-то странно.

Но Катя? Что интересного она могла найти в этом тюлене, выжидающем пятипудовые штанги? Кажется, ни на что более этот юноша не способен...

Тихо Василий спросил:

— Это твердо и решительно?

Нет это не было ни твердо, ни решительно. Но Василий сам должен понять, что в таком деле нужно взве-

сить все «за» и «против». И Катя выставляла требование...

Василий вздрогнул и посмотрел на часы. Осталось две минуты. Катя не опоздает ни на секунду—он это знал.

Василий прошелся из угла в угол и проверил наган. Все в порядке. Его рука будет тверда!

Он вдруг ясно ощутил, как все волнения отхлынули куда-то в угол и улеглись там. Он был совершенно спокоен.

Дверь скрипнула. Василий скорее почувствовал, чем увидел, что это она. Он машинально прицелился и выстрелил.

— Bravo, Вася! Bravo, молодец!—раздался одобрительный гул.

Заведующий стрелковой секцией подошел и пожал Василию руку.

— Поздравляю,—сказал он.—Ты выбил 91 очко из 100 возможных.

Но Василий не видел друзей и не слышал их одобрений. Он искал глазами Катю. Вот она стоит и улыбается. Эта улыбка сказала все. Катя—его. Он победил!

Катя берет его под руку. Они выходят на улицу. Она порывисто целует его и говорит:

— Васюк! Я немножко переборщила, когда потребовала от тебя выбить 91 очко. Я сошлась бы и на 87.

КАК Я СТАЛ ХОРОШИМ СТРЕЛКОМ

Записки Н. ЧЕТКИНА

Помню, еще будучи 12-летним мальчишкой, я страшно увлекался стрельбой из лука. Обычно залезешь в кусты, вырежешь ветку покрупнее и погуще и начинаешь обрабатывать ее ножом: сколько усердия, сколько старания и любви!

Но самое трудное было сделать стрелы для лука. Для стрел нужно было доставать сосновые доски, накальвать из них толстые лучины, а потом тщательно строгать ножом так, чтобы один конец был с утолщением, а вся стрела вдвое тоньше, чем обыкновенный карандаш. По целому часу приходилось возиться над стрелой, но зато получалась не стрела, а настоящее произведение искусства: гибкая, стройная, с тяжелым наконечником. Она взлетала в два раза выше самых высоких телефонных проводов и сверкала под солнцем, точно из серебра.

Кроме луков, я еще увлекался рогатками. Самое трудное было достать резину. Второе место по своему значению занимала сама рогатка. Сколько кустов надо было облазить, сколько веток пообрезать, пока найдешь хорошую, удовлетворяющую всем требованиям, рогатку. Из рогатки я стрелял в воробьев, но еще частенько в соседские окна, за что мне здорово попадало...

В день моего рождения, когда мне исполнилось 14 лет, отец позвал меня к себе.

— Что это,—говорит он,—ты все из луков да рогаток стреляешь. Вот я тебе кое-что другое подарю.

И вынимает из кармана новенький монтекристо. У меня прямо дух захватило.

— Это... мне?

Отец улыбнулся.

Н. Четкин

— Да, тебе. Но только смотри...

И пригрозил пальцем.

Я схватил монтекристо обеими руками и, прижав его к груди, бросился из дома. Я чувствовал себя на седьмом небе. Прекрасный лук с великолепными стрелами, рогатка с красной резиной потеряли для меня всякую ценность. Теперь я целый день только и занимался тем, что стрелял дробинками из монтекристо. Среди своих сверстников мой авторитет и вес поднялись чрезвычайно высоко. Каждый просил дать ему пострелять, но я так дорожил своим оружием, что показывал его только из своих рук и лишь в редких случаях давал поддержать моим лучшим товарищам.

Уже тогда у меня начал вырабатываться определенный навык к стрельбе. Я не просто палил, ради выстрела, но в определенную цель, на определенном расстоянии. Стрелял я по воробьям, белкам и мелким птицам.

Потом, когда я подрос, а поступил на ф-ку «Маяк» слесарем, записался в комсомол и стал нести нагрузку. Но своего монтекристо я не оставил. Благодаря долгим упражнениям я на 50 метров из 100 возможных очков выбивал до 70 очков.

Однажды я похвастался перед одним нашим рабочим—старым воякой, еще с гражданской войны.

— А я вот из монтекристо на 50 метров из 100 возможных очков беру свыше 70.

Но он только подозрительно усмехнулся:

— Хе, монтекристо?! Это же детская игрушка. Ты вот попробуй из винтовки боевыми патронами пострелять, так тебя на три шага назад отбросит.

— То-есть, как назад?

— Да так, очень просто. Отшвырнет, а потом только и потираться будешь.

Усмехнулся и ушел себе.

Меся этот разговор очень раззадорил. Я себя все-таки считал хорошим стрелком, и замечание на счет детской игрушки меня очень обидело. Я твердо решил научиться стрелять из винтовки и утереть нос моему собеседнику.

Случай как-раз представился. Мой товарищ повел меня в стрелковый тир, и мы начали там стрелять.

Когда я в первый раз взял винтовку в руки, то очень волновался и все боялся, что меня после

выстрела отбросит на три шага назад. Но опасность оказалась преувеличенными. Правда, винтовка довольно сильно ударила в плечо, но я остался на месте, потом я привык к ней и вошел во вкус. Первый же урок сразу дал хорошие результаты. На сто шагов из ста возможных очков я вывел 55 очков.

Урок за уроком, могу не хвастаясь сказать, я продвигался очень быстро вперед, каждый раз повышая свой рекорд. Как видно и лук, и рогатка и монтекристо пошли мне впрок. После восьми уроков я был уже настолько силен, что

мог выступить на соревнованиях нашего союза металлостроителей.

Условия были таковы. Из французской винтовки системы «Лебеля» стреляли в цель на расстоянии 200 шагов.

В этих состязаниях я занял первое место по нашему профсоюзу, взяв из 100 возможных очков—81 очко.

Но я, конечно, на этом не останавливаюсь и буду стремиться к дальнейшим рекордам.

Комсомолец должен быть хорошим стрелком.

КАК ЗА НЕЙ УХАЖИВАТЬ

В. АЛКАЛАЕВ

10.000 выстрелов без ухудшения качеств

При пользовании нормальными патронами и уходе, винтовки могут выдержать более 10.000 выстрелов без заметного ухудшения своих баллистических качеств. В чем же заключается правильный уход за винтовкой?

При выстреле пороховые газы настолько внедряются, благодаря большому давлению внутри ствола, в поры канала ствола, что лишь постепенно, иногда через несколько дней, а иногда и через недели выходят оттуда. Пороховые газы бездымного пороха обладают очень ядовитыми свойствами по отношению к металлу ствола—они окисляют его, вызывают ржавчину. Чистка канала простым протиранием его после стрельбы обыкновенными маслами или горячей водой (т. н. механическая чистка) цели не достигает, потому что протертый до блеска и как-будто на глаз абсолютно чистый ствол через несколько часов снова покрывается ржавчиной. Это происходит потому, что ядовитый нагар газов оседает не только на внутренней поверхности канала ствола, но и проникает в поры металла. Чтобы не заниматься чистой до бесконечности и все-таки безрезультатно, нужна чистка т. н. химическая, т. е. такая, которая обезвреживает все остатки горения бездымного пороха. Для этого необходимо применять щелочные масла. Лучшими щелочными маслами для чистки, имеющимися на нашем рынке являются Ормас № 2 (цена 40 коп. флакон), русский Баллистор Менделеевского Института и Пироль Звягина.

Вот процесс химической чистки. Сейчас же после стрельбы протереть канал оружия влажной, слегка смоченной водой тряпочкой, чтобы удалить остатки разложения капсюля (хлористого калия), ржавящие канал ствола, затем протереть его насухо и жирно смазать Ормасом № 2 (или другим щелочным маслом), уже после этого протереть ствол два-три раза сухой тряпочкой и снова жирно, густо намазать Ормасом № 2, особенно внимательно следя за тем, чтобы не осталось ни одного места в канале ствола, непокрытого маслом.

Этот слой щелочного масла убивает всякий нагар.

Если оружие ближайшие два-три дня не используется, его необходимо на следующий день, самое позднее через день, снова протереть насухо, еще раз смазать и снова протереть насухо и, наконец, опять жирно смазать и оставить.

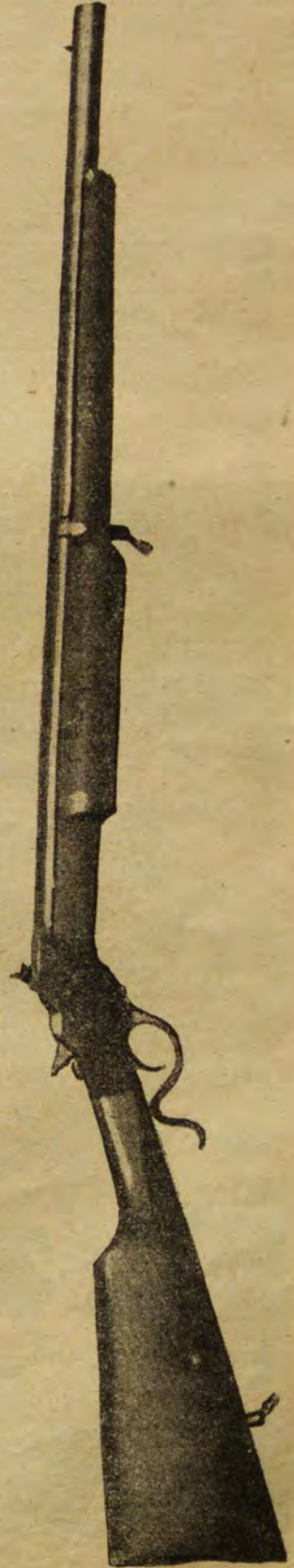
Если же предполагается оставить оружие без употребления сравнительно долгое время, чистить его нужно несколько иначе. Эти протирания, которые применяются при обычной чистке, должны быть продолжены еще два-три раза, после чего можно быть почти уверенным, что канал ствола химически чист. Затем нужно разобрать винтовку, вытереть каждую часть чистой тряпочкой и смазать чистым нейтральным маслом (Ормас № 1, костяное масло, химически чистый вазелин) части затвора, спускового механизма и винты, протереть насухо канал ствола и смазать его уже не сильно щелочным маслом Ормас № 2, а слегка щелочным, густым маслом Ормас № 3, предназначенным специально для хранения оружия.

При всякой чистке, как общее правило, нужно чистить винтовку, если только система позволяет, с казенной части, а не с дула, чтобы не растереть нарезков шомполом в наиболее ценной и важной дульной части. Если нельзя, по системе оружия, чистить его с казны, нужно чистить его с дула

по возможности деревянным шомполом, который нарезков не стирает, или же медным или стальным, с дульной накладкой, которая должна быть хорошо центрована. Металлический шомпол не должен быть слишком толст, чтобы не задевать и не царапать нарезки, и не слишком тонк—иначе он будет гнуться и также царапать стенки канала ствола. На конце шомпола необходимо иметь медную протирку, на которую навертывается тряпочка.

Для чистки применять только чистую, стиральную, мягкую материю или чистую очищенную от кострецы паклю, можно также мягкую тонкую фланель. Никогда не наворачивайте тряпки или паклю так, чтобы шомпол шел очень туго и с очень большим усилием. Ничего, кроме порчи нарезков это не даст. Всегда помните, что винтовка—инструмент очень нежный и что испортить ее очень легко, а исправить трудно и далеко не всегда возможно. Никогда не стрелять патронами, которые запачканы в песке, пыли, никогда поэтому не кладите их прямо на землю, на скамейку или на пол, а всегда имейте при себе коробочку, в которой и держите патроны. Бережно относитесь к просалке, которая покрывает пули малокалиберных патронов «Лонг-Райфл» и «Шорт» и предохраняет канал ствола от свинцевания. Никогда поэтому не носите патроны в карманах, как многие это часто делают.

Не заставляйте вашего друга вам изменять. Аккуратному стрелку м. к. винтовка будет служить долгие годы, грубому же, безграмотному и деспотичному хозяину она может изменить и с первого выстрела.

Какие должны быть патроны

Запомните, что малокалиберные винтовки строятся обычно под два типа патронов—под длинный винтовочный—«Лонг-Райфл» и под короткий—«Шорт». Стрелять из винтовок, имеющих патронник под длинный винтовочный патрон, короткими патронами нельзя, так как, помимо того, что короткий патрон дает при стрельбе из этих винтовок значительно менее меткий бой, он очень быстро вызывает разгар пульного входа и очень быстро ведет к порче и разрушению винтовки. Подавляющее большинство имеющихся на нашем рынке малокалиберных винтовок (ГЕКО, ВАЛЬТЕР, МАУЗЕР, СМЫРНСКОГО) построены под длинный винтовочный патрон.

Вредители малокалиберных винтовок

Еще большим злом, в очень короткий срок приводящим м. к. винтовку в полную негодность, являются те патрончики «Флобера», «Монте-Кристо» и короткие боскертные (производства «Торгохота» и Вохимтреста), которые в большом количестве продаются в наших оружейных магазинах.

Помимо того, что эти патрончики вызывают разгар пульного входа, особенно сильный благодаря чрезвычайно вредному влиянию их ударного состава на металл ствола, они очень быстро приводят канал ствола в негодность и по следующим причинам: ударный состав очень сильно окисляет ствол, вызывая в нем появление сильной ржавчины; наличие в этом составе частиц толченого стекла крайне вредно отражается на нарезках ствола, так как ведет к их быстрому стиранию и снашиванию; наконец, отсутствие на пулях этих патрончиков просалки вызывает сильное свинцевание канала ствола, которое очень быстро сводит на-нет нарезки в канале ствола и превращает винтовку в забитую свинцом стальную трубку, от которой трудно ожидать хотя бы самой минимальной меткости. Самая тщательная чистка, самый тщательный уход за винтовкой не в силах парализовать вредного действия этих патрончиков Флобера, Монте-Кристо и т. п. Применение этих патрончиков, предназначенных только для дешевых гладкоствольных ружей Монте-Кристо, которых у нас сейчас в продаже нет, для стрельбы из малокалиберных винтовок должно быть категорически воспрещено. Глубоко неправы те т. т. и организации, которые в погоне за экономией применяют эти патроны. Экономия несколько рублей на сотне патронов, они в очень короткий срок выводят винтовку из строя.

Всесоюзный стрелковый конкурс всколыхнул массу молодежи, втянул новые тысячи в занятия стрелковым спортом. Не дадим упасть волне. Помните: каждая пуля в центр мишени—лучший ответ на опасность войны со стороны молодого стрелка.

В следующем № будут помещены результаты всесоюзного стрелкового конкурса молодежи, организованного „Сменой“ и „Комсомольской Правдой“.

МОЛОДЕЖЬ В ПЕРСИИ

Очерк ХАШТ

Тегеран просыпается рано. Первые признаки его пробуждения—грохот архаической конки: полувагона, полу-повозки, не спеша ковыляющей по ветхим рельсам тегеранской мостовой. Конка бежит по Лалезару, главной улице Тегерана, едва очнувшейся от недавней ночи, затем подходит к базару, высаживая сюда торговцев, разносчиков, ремесленников, менял и предприимчивых попрошайек, назойливо и певуче выпрашивающих милостыню.

Базар—пульс Тегерана. Это и клуб, и биржа. По его биению узнаешь о настроении города, его интересах и новостях, о ценах на товары и о важных вопросах высокой политики.

Под огромным куполом базара тесно ютятся бесчисленные лавки. Здесь на полках навалены пестрые груды тканей: от домотканых—персидских, до безукоризненных суконов манчестерских фабрик. Хозяин церемонно высится за конторкой, он медлителен и важен, и, потягивая густой зеленый чай из маленьких «пиал»¹, глазами дирижирует послушным оркестром многочисленных подручных. Приказчики персидской лавки в большинстве юноши, зачастую подростки, отданные родителями в многолетнюю кабалу и выучку к богатым купцам. Их максимальный заработок не превышает 3 туманов² в месяц. Деловой же день персидского базара длится от зари до глубо-

кого вечера. За эти жалкие гроши полугодный юноша целый день суетится, карабкается на высокие полки, с кинематографической быстротой разворачивает тюки тканей, чтобы угодить привередливым персидским щеголихам и презрительно напыщенным «арбабам»³.

Молодой рабочий

Этот тяжелый труд лавочного подручного все же еще терпим по сравнению с поистине каторжными условиями подмастерья и ученика в персидских ремесленных мастерских. Здесь же на базаре раскинулись огромные ремесленные ряды. Это целое море палаток и ларей, в которых работает армия ковровых мастеров, гончаров, башмачников, медников, ювелиров, кузнецов, оружейников и т. д. Владелец ремесленной мастерской работает с помощью учеников, совсем еще мальчиков, начиная с 10-летнего возраста. Работа здесь много тяжелее, чем в торговых лавках. В течение 12 часов молодые рабочие в полутьме сырых клетушек позади лавки, не разгибая спины, отравляя легкие ядовитой пылью шерстяной пряжи и медных опилок, ткнут затейливый орнамент пер-

³ Арбаб по-персидски помещик, в обычном употреблении—«богач».

Так обрабатывают землю в Персии

сидского ковра, плавят железо, выковывают украшенные инкрустациями сабли и кинжалы и лепят домашнюю глиняную утварь.

Ломоть пресного «лаваша» и горсть постного плова—вот убогий обед персидского молодого рабочего.

В этих мелких кустарных предприятиях растет и зреет будущий персидский пролетариат. Настоящей машинной индустрии в Персии еще и по сию пору почти нет—этим она обязана традиционной политике иностранного империализма. Главная масса трудящейся молодежи персидских городов сосредоточена в кустарном производстве. Темная лавка, отсутствие свободных часов, систематическое недоедание, тропическая лихорадка и «салеки»⁴ делают эту молодежь забитой и пассивной. Здесь еще сильна власть «муллы» и «шариата»⁵, препятствующая молодому рабочему вырваться из затхлой атмосферы этого быта и проникнуться революционными настроениями.

Чай-хане и териак

В короткие часы отдыха вы можете видеть эту молодежь в грязных чай-хане. Чай-хане—это единственное место, где собираются, пьют чай, похожий на пиво, стремясь получить хотя бы намек на отдых и развлечение. Здесь можно послушать унылую и тягучую песню бродячего «месхореза». Он высоким голосом, почти фальцетом, тянет свою нехитрую мелодию, со словами древними, как и земля, которую он топчет. Рабочая молодежь, однако, ходит в «чай-хане» не только для чая и песен. В темных и мрачных углах при тусклом свете керосиновых коптилок вплоть до зари слышен треск костей и звон серебра. Скучные гроши, заработанные горбом за недели изнурительного труда, нередко одним капризным падением кости переходят из рук рабочего в карманы ловких игроков-профессионалов.

В некоторых «чай-хане» (кроме этого) вдоль темных стен змеятся грубо сколоченные нары, предназначенные для курильщиков опиума. То, чего не успели сделать нездоровый труд и тяжелые бытовые условия, с успехом довершает «териак»⁶. Если в мастерской или на улице видишь изможденного юношу с трясущимися руками и почти эпилептически-тяжелым взглядом,—знаешь, что это еще одна жертва губительного и засасывающего, как тина, зелья.

Однако, освежающий вихрь Октября не прошел бесследно для персидского трудящегося юношества. В Тегеране и провинциях Сев. Персии, граничащих с нашим Союзом, организуются группы молодежи, преимущественно из передовой интеллигенции, втягивающие понемногу рабочее юношество в свою деятельность. Эти кружки теряют свой первоначальный чисто «культурнический» характер и приобретают черты ярко выраженной политической организации. Их программа: демократическая Персия, борьба с империализмом, школьная реформа, раскрепощение персидской женщины.

Девушки и женщины

Положение женщины в Персии—это едва ли не самый яркий пережиток старого быта. Девочка здесь созревает рано, как вообще на Востоке. Обычай обязывает ее во что бы то ни стало выйти замуж. Маленькая черноглазая персиянка покорно идет навстречу своей неотвратимой судьбе. Бедная девушка, если она хороша собой, обыкновенно попадает в гарем персидского богача на незавидное положение младшей жены. В «нде-

Под куполом базара...

⁴ Наружная язва, являющаяся результатом плохого питания и антисанитарных условий.

⁵ Религиозное законодательство.

⁶ «Териак»—по-персидски опиум.

рупе» (гареме) персидская женщина живет в то-скивом довольстве. Единственное лекарство от безделья—мелкие дрязги, сплетни и междоусобицы за первенство и влияние на «всемогущего» супруга.

В бедных же семьях девушке приходится еще хуже. Вся тяжесть нищенского существования падает на ее плечи. Если нужда очень велика, а подходящего мужа нет, ее толкают на путь проституции. На тегеранских улицах и базарах можно вечерами видеть группы девушек и нередко девочек 10—11 лет, назойливо предлагающих себя проходящим мужчинам, главным образом европейцам. У них циничные жесты профессиональных очаровательниц, но лицо попрежнему закрыто чадрой, символом женской стыдливости. Таково лицемерное двуязычие «непогрешимого» ислама.

Те, кто теперь поднимают голос в защиту персидской женщины, требуя для нее равноправия и права на образование наравне с мужчиной, еще очень немногочисленны.

Женская масса еще не раскачалась. Но единицы—наиболее передовые, образованные и одаренные девушки—уже активно вступают в борьбу. Такова Зорра-Ханум, получившая образование за границей, Садике-Доулет-Абади—поэтесса и общественная деятельница и еще горсточка других. Они ведут кампанию за снятие чадры, этого позорного символа рабства и затворничества, и теперь на улицах Тегерана уже иногда попадаются отдельные женщины с открытым лицом. На эти смелые попытки консервативные персы отвечают презрением и бойкотом, а подчас и угрожающей враждебностью.

Но быстрому развитию освободительных идей препятствует то плачевное состояние, в каком до настоящего времени находится дело народного образования в Персии.

Школы в Тегеране

Что сказать о тегеранских школах? Большинство из них—это все еще по старинке религиозные «медресе»⁷, где основой всех наук остается универсальный коран. Занятия в «медресе» чаще всего ведутся на прохладных, мощенных гладким камнем двориках при мечетях. Журчанье традиционного фонтана, сливающегося с негромким переплеском монотонных голосов подростков и старческим дребезжанием преподавателя-мулы—все говорит об устоявшемся многовековом укладе, чуждом молодой, задорной любознательности.

Наряду с духовными существуют и светские школы, несколько иностранных колледжей, миссионерских училищ. Здесь английские, американские и французские педагоги приобщают маленьких персов к «европейской цивилизации». Они учат их тому, что страна их бедна и невежественна, и что она должна быть вечно благодарна «добрым христианам», взявшим на себя тяжелый труд опеки над ней и ее спасения от... ее собственного народа. Большинство учащихся в этих колледжах—дети зажиточных персидских семей, уже тронутых европейским влиянием. Многие из них едут за границу закончить свое образование в европейских и американских университетах. В Персии же высших школ—в нашем понимании—нет. Тегеранский Дар-Оль-Фонун (Политехнический Институт)—это просто техникум, несколько

расширенного типа. Другой такой же техникум—Медресес - Улумэ - Сиаси (Школа политических наук), связанная с Министерством Иностранных Дел—выпускает главным образом работников для дипломатических представительств за границей.

Новая монархия Пехлеви заботится о наведении внешнего лоска на физиономию страны. Сюда относится и увлечение посылкой за границу юношей, разумеется, из привилегированных классов, для учебы и специализации.

Американизм

Вообще «последний крик моды» среди тегеранской буржуазной молодежи—американизм. Америка и американцы стали буквально идолами в Тегеране: им подражают, у них учатся, ими восхищаются. Целыми партиями отправляют персидских молодых студентов в Америку, многие из них едут по специальным приглашениям Форда. Оттуда они присылают восторженные письма, восхваляют американскую технику, культуру и «общее благоденствие». В тегеранских иностранных колледжах загорелые туземные аристократы, совсем «по-американски» часами играют в теннис и гольф под жадными взорами «чумазных» ребяташек, облепляющих ограду, а вечерами в нескольких кафе и дансингах до седьмого пота карикатурно выгибают колени в своеобразном «чарльстоне».

На улицах Тегерана теперь довольно часто можно видеть проходящие отряды «пишахенгов».

«Пишахенги» буквально значит пионеры, но только буквально. На деле это организация скаутского типа, построенная на лицемерной буржуазной морали и руководимая инструкторами-иностранцами.

Всем известные персидские ковры. Они требуют утомительного и напряженного труда. На фотографии женщины-ковровщицы

Несомненно, увлечение американизмом довольно велико в Тегеране; этому отчасти способствует то обстоятельство, что Америка не вела в Персии агрессивной политики, подобно Англии или царской России.

Однако, лучшая часть персидского юношества: рабочая молодежь, молодая передовая интеллигенция, мелкая буржуазия,—не поддались этой моде. Она глядит в сторону другого государства, государства, открыто объявившего себя другом и союзником народов угнетенного Востока.

Все больше и больше персидских юношей проникается ненавистью к поработителям их страны и симпатией к Советскому Союзу и создавшей его революции.

ПАРТИЗАНСКАЯ ПЕСНЯ

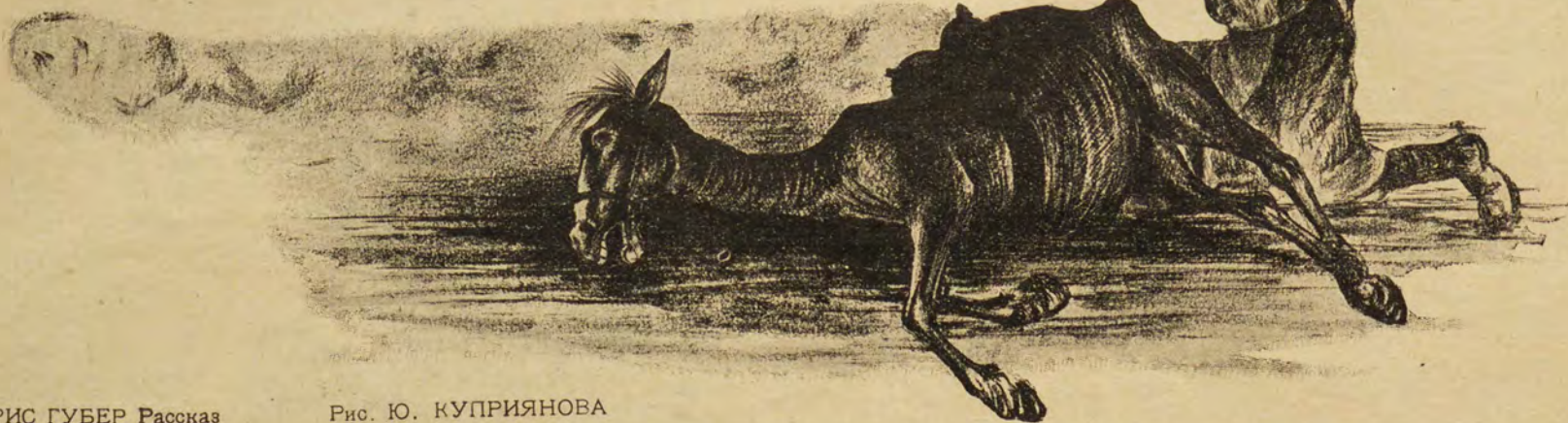
Никаким городам
Я души не отдам.
Отрастет борода,—
Остригу и продам.
Это стриженный волос
Да выбритый ус
Поднимают свой голос.
И я — рассмеюсь.

Дмитрий Острианин

⁷ Мусульманская духовная школа.

КАРАГАЧ

БОРИС ГУБЕР Рассказ

Рис. Ю. КУПРИЯНОВА

I

Глазунов был общим любимцем не только в команде связи, где он числился конным ординарцем, но и во всем полку. Все знали его, и каждого привлекал он к себе постоянной веселостью своей, живым смешливым блеском своих карих глаз и той охотой, почти жадностью, с которой он брался за любое, самое рискованное поручение.

Ему едва минуло девятнадцать лет и, должно быть, именно молодость была причиной его вечной непоседливости, какого-то ненасытного, неутомимого любопытства. Он интересовался решительно всем, вмешивался во все споры и перебранки и прислушивался, приглядываясь ко всему с таким вниманием, словно, он только что родился на свет.

Так было и сейчас.

Полк, с боем продвигавшийся вдоль побережья, занял к вечеру небольшой армянский поселок. Смятые белые части еще с полдня оторвались от преследования, разведка на несколько верст впереди не обнаружила никаких признаков противника, и красноармейцы, рассыпавшись по участкам, битком набившись в убогие армянские мазанки, в пустые кукурузники и табачные сараи, спешили поудобней устроиться на ночь. И только Глазунов, казалось, вовсе не заботился о ночлеге. Точно позабыв про усталость свою, про вчерашнюю бессонную ночь и про переход, предстоящий на завтра, он шатался по участкам, на ходу переговариваясь с товарищами.

— Эй, Федька, иди к нам свинину хлебать, — звали его к костру.

— Глазунов, табачку нет ли? — кричал еще кто-то.

Но Глазунов только отмахивался от них... Он выбрался их поселка на шоссе и, не торопясь, беспечно поглядывая по сторонам, стал взбираться вверх по крутому под'ему. Одолев его, он остановился: шоссе изгибалось здесь крутым поворотом, огороженное массивным бетонным барьером, — за ним, сразу обрываясь, зияла пропасть, и далеко внизу, разыгрываясь штормом, кипело и бушевало море. Пасмурное, испещренное хохлами пены, опрокидывало оно на берег огромные тяжкие валы и нестихающий грохот прибоя оглушал даже здесь наверху. Низко, над самой водой неслись грязные, рваные тучи. Порюю крупный холодный дождь сыпался из них, резкий ветер бил в лицо, но Глазунов ничего не замечал. Жадно вдыхая горьковатый морской запах, смешанный с весенними запахами молодой листвы, он долго простоял здесь, не в силах оторвать своих блестящих глаз от черных, пустынных пространств... Когда он решил возвращаться обратно, уже совсем смеркалось, и в поселке заметными стали пляшущие огни костров. Он отошел

от барьера, в последний раз взглянул на потухающую закатную полосу, что багровела среди туч и... чей-то слабый крик послышался вдруг издалека.

Море, тучи, прибоя, — все разом сгинило, только крик этот остался... Ни о чем не думая, Глазунов бросился вниз по шоссе.

Огни костров скрылись за перевалом. Размытый щебень больно ощущался сквозь пронесившиеся подошвы сапог... Шоссе завернуло и, обогнув крутой угловатый выступ горы, Глазунов увидел какое-то темное пятно, проступающее на его широкой серой ленте... Еще несколько шагов, пятно превратилось в распластанный поперек дороги человеческий силуэт, человек тщетно пытался приподняться...

— Братишка, ты что? — крикнул Глазунов.

— Чорт... нога, — хрипло ответил глухой мужской голос. — Не могу...

Глазунов подбежал вплотную и увидел перед собой русского поселанина без шапки, одетого в рваный, черный пиджак.

— Да что с тобой? — спросил Глазунов, приседая перед ним на корточки.

— Камень сорвался... по ноге... По... ползу вот.

— А куда тебе нужно-то?

Поселянин закрыл глаза, лицо его с растрепанными седыми усами искажилось и помертвело. «Вот история!» — возбужденно подумал Глазунов и легонько потряс его за плечо:

— Эй, приятель!

Тяжелые веки поднялись над мутными, тусклыми глазами.

— Комиссара, — сказал поселанин, через силу едва-едва шевеля губами, — комиссара мне... дело у меня... поскорее... чорт!

Глазунов, в нерешительности не зная, что делать, подумал было: «За ребятами сбегать что ли? — но тут же решил: — нет, больно долго» — и обхватил руками худые, вялые плечи:

— Ну-ка, я тебе помогу.

Напрягаясь так, что запумело в ушах, он приподнял за плечи неживое тяжелое тело... Поселянин встал, опираясь на одну ногу, — другая волочилась, как тряпичная, — судорожно уцепился за Глазунова и стиснул зубы — слышно было, как они заскрипели.

II

Под штаб заняли в стороне от поселка большую, богатую дачу, светившуюся среди темноты всеми широчайшими своими окнами. Хозяйка не захотела или не успела покинуть ее, и только перебрались наверх в мезонин, очистив под постройкой весь нижний этаж. Перед самой дачей встретился кто-то из них — молодой человек с бледным лицом и тщательно подстриженной бородкой.

Опираясь на костыли, он ковылял по дорожке и в потоках света, падающих из окон, его бледная блуза становилась желтой.

Глазунов, мельком взглянув на него, широко распахнул стеклянные двери террасы и ввалился в прихожую. Красноармейцы на руках внесли след за ним в конец обессиленного пленника.

— В чем дело? — встретил их в следующей комнате встревоженный окрик, и командир второй роты, товарищ Кашков, встал из-за стола, над которым работал при свете яркой керосиновой лампы.

Глазунов подошел к нему и остановился у самого стола, возбужденно сверкая глазами.

— Вот, товарищ командир, — сказал он скороговоркой, — мы его на шоссе подобрали, ногу ему камнем перебило, говорит срочное донесение у него.

Поселянина усадили на мягкий диван, обитый нежно-зеленым плюшем. Только здесь, на свету, увидели все, как бескровно его худое лицо и как тусклы, мертвы его глаза. Медленно, с невероятным трудом поднес он руку к груди, растегнул непослушными, негнущимися пальцами свой рваный пиджак и вытащил из-за пазухи грязный измятый пакет.

— На... возьми, — сунул он его Глазунову.

Комроты торопливо разорвал конверт, пробежал глазами по строчкам и, ни слова не говоря, вышел из комнаты.

Все молчали. Слышно было свистящее, прерывистое дыхание пленника; он привалился к плюшевой спинке дивана, и перебитая нога его как-то дико, нелепо согнулась в испачканной кровью штанине.

— Фельдшера бы, — нерешительно произнес кто-то из красноармейцев.

Никто не ответил ему, и молчание уже не прерывалось до тех пор, пока не вернулся Кашков. Грузно, тяжело ступая по коврам, устлавшим комнаты, шел за ним командир полка. Он сел к столу, разглядел перед собою все тот же измятый листик и сказал своим неожиданно-тонким для огромного тела, голосом:

— Глазунов, оставайся, а вы, товарищи, идите.

— Может ли он говорить? — вполголоса спросил ротный.

— А кто его знает? — говорил. — Глазунов тронул пленника за руку: — Приятель, жив?

Тот долгим всхлипом втянул в себя воздух, через силу сказал:

— Ответ нужно... к утру.

— Куда доставить ответ? — спросил комполка.

— В Шахе... восемь верст... отсюда. При... Приходченке, Якову... он знает.

Комполка продолжал спрашивать, терпеливо дожидаясь, пока пленник соберется с силами

для ответа. Глазунов, тем временем искося поглядывая на смятый листок, выхватывая глазами отдельные слова и фразы. Он понял, что зеленый партизанский отряд, засевавший в горах, предлагает завтра к вечеру перерезать дорогу отступающим белым частям, заняв шоссе на каком-то Мамайском перевале, и ему даже жарко стало от нетерпения. И когда командир спросил у него:— Сумеешь доставить к утру?—он ответил одним коротким счастливым словом:

— Есть!

— Вот только дорога,—раздумчиво сказал командир,—ничего у него не поймешь...

Глазунову показалось, что среди портьер входной двери мелькнуло бледное лицо с черной бородкой, но нетерпение его было так велико, что он не обратил на это внимания.

— Ладно, найду,—перебил он командира и скороговоркой повторил негладко как запомнившиеся, ответы пленника: «Против столба погорот, потом напугаю еще четыре версты, третий участок по реке, Яков Приходченко».

Командир встал.

— Иди собирайся, сказал он,—зайди сюда через четверть часа.

В это время поселянин застонал, открыл свои мутные, бессмысленные глаза:

— Дерево.. карагачь, горелый,—в полузабытье пробормотал он,—река...

— Что?—переспросил комполка.

— Бредит, должно быть,—ответил Кашков.

Глазунов побежал седлать.

Происнилось. Тучи одинокими клочками неслись по крупным южным звездам в небе зелено-радужном от луны. Море грохотало прибоем, заглушая цоканье копыт.

Глазунов шагом взбирался на подъем... Вот и перевал, вот барьер, подле которого он стоял давеча. «И хорошо, что стоял, а то бы...»—мелькнула счастливая мысль. Выступ горы бросал на шоссе густую черную тень—здесь, за выступом увидел Глазунов тот неопределенный силуэт, что обернулся сейчас в седого полумертвого человека, так и оставшегося на зеленом плюшевом диване... Неужели все это было два или три часа назад?

... Быстрые мысли сменяли одна другую. Знакомый, непередаваемо-чудесный холодок нетерпения, почти жадности, пронизывал Глазунова, и он покалывал шпорами бока коня, переводя его на тряскую рысь. Шоссе, опоясывая гору, вилось, извивалось обильными кривыми и поворотами. Горы, залитые туманным лунным светом, теснились толпою, галезали друг на друга. Резко ипряно пахло сырой землей, почками, весной...

Все было прекрасно, удачно, великолепно—был чугунный верстовой столб, озаренный луною, и отчетливо виднелась на дощечке надпись «264», а направо, врезываясь в кустарник, уходила узенькая дорожка. Глазунов, чувствуя мерный бой сердца, с жадным веселием ощущал в ладони жесткий ремень поводьев, натянул их и свернул на эту дорожку, раззоренную тенями и светом. Ветви кустов стегали по его ногам; дорога карнизиком лепилась над ущельем; в черном провале его шумели деревья, и плескалась-журчала вода.

Все шло так благополучно, что Глазунов понемногу стал успокаиваться. Он даже вытаскил из кармана шинели кисет, не спеша свернул папироску... И тут, сливаясь в один коротенький миг, случилось нечто дикое, невероятное: багрово-оранжевый столб огня грянул из кустов.—Стой!—рявкнул чей-то громовой голос, и лошадь споткнулась, начала медленно валиться на колени... Цепляясь и путаясь, неслись мысли, рука сама метнулась к поясу и как-то неосознанно возникла радость, что наган не в кобуре, которую пришлось бы расстегивать а просто засунут за ремень.

Глазунов успел выпростать ноги из стремян—нелепо-огромное, неудобное тело коня повалилось соком не на ногу, а рядом с нею. Но Глазунов

продолжал лежать, опираясь на локоть и крепко сжимая в другой руке наган, привычно вошедший шершагой рукоятью своей в горячую сразу вспотевшую ладонь. Из кустов бежали—Глазунов считал—один, два, четыре человека. В зеленоватом призрачном свете хорошо были видны их лица, и среди них узналось то—бледное, с острой бородкой, что мелькнуло в плюшевых волнах портьер, лицо кого-то из хозяев дачи, которым так бессмысленно-вежливо предоставлена была свобода... Время мчалось в лихорадочном мелькании секунд, в четких ударах сердца, но еще быстрее мчались мысли. Да, все пропало... Ведь, он, должно быть, слышал все... Но зато он не видел, не читал смятого листика, лежавшего перед командиром. Нет, не пропало!—и подпустив всех четырех вплотную к себе, сразу вскочив на ноги, Глазунов яростно нажал на спуск и выстрелил—только один раз.

Большого сделать он не успел. На него навалились все четверо, и он понял, что не попал... Его оттащили в сторону, вдавливая, распластывая и он закрыл глаза, покорно подчиняясь обыску. Его обыскивали тщательно, забираясь во все

мастных коней, привязанных к дереву... Его поставили на ноги, двое крепко держали его за локти рук. Насмешливо уставившись блестящими своими глазами в черный клинушек бороды, Глазунов крикнул:

— А костыли твои где, убогий чорт?

Сказал—и вдруг увидел, что лошади привязаны к стволу, расщепленному и обгорелому после удара молнии.—Карагач, река...—мгновенно вспомнилось бормотанье, принятое за бред...

— Ладно, ладно, сейчас мы с тобой побеседуем,—зловеще-спокойно говорил между тем приземистый, коренастый, с золотом погон на плечах.—Ну-ка, Щадрия, свими-ка с него пинель...

Те двое, что держали Глазунова, дружно заспешили исполнить приказание, расстегнули крючки, грубо схватили за ворот... Глазунов подался вперед, выскользнул из рукавов шинели и, не теряя ни секунды, махнул через кусты в темную дыру лазейки.

Он поскользнулся, сорвался с тропинки, которую нащупал было ногами, на миг повис в воздухе, и, бороздя телом влажную глину откоса все скорей и скорей скользил под кручу. Вспыхи-

Стало светлей и Глазунов увидел трех разномастных коней, привязанных к дереву...

карманы, за пазуху, в фуражку, на которой темнела большая красноармейская звезда...

— Чорт возьми, ничего нет,—сказал, наконец, тот, ненавистный, с бородкой. Глазунов посмотрел ему в лицо и насмешливо улыбнулся.

— А ты думал есть?... Нашел дурака!.. Я и на словах...

Тяжелый кулак опустился, не дал договорить,—но чей-то голос остановил:

— погоди, Петя, не нужно, мы еще с ним поговорим на словах.

Глазунова волоком потащили по земле, все дальше по шоссе по дороге, испещренной тенями... Наконец, остановились. Дорожка здесь расширилась, стало светлей, и Глазунов увидел трех разно-

вая огнем и грохотом, над ним метали выстрелы, кто-то ломился сквозь кусты по тропинке, но Глазунов был уже ввизу в сырой темноте ложины.

Ошеломленный падением, он не сразу встал на ноги—выстрелы, крики и треск сучьев приближались. Увязая в полужидкой глине, Глазунов бросился к воде.

Течение тотчас же сбilo его с ног, швырнуло в сторону и понесло... Он едва успевал хватать короткие глотки воздуха; но все ликовало в нем, ведь те четыре дурака никогда не посмеют, никогда не решатся догонять его в этой стремнине...

И точно—течение само прибило его на излучине к другому берегу.

ПОД ЖГУЧИМ СОЛНЦЕМ

Самое главное, что

Очерк и снимки

Это удивительное место, одно из редчайших на земном шаре по красоте, и до сих пор фактически мало местам и удивляться новым и

На скале над водопадом — знаменитая путешественница М. Преображенская

Проехать просто по шоссе, проложенному в горах, да еще в автобусе, это не есть горная экскурсия; такие поездки дают очень мало впечатления. Лучше всего пройти пешком, да не прямо по дороге, а заглядывать то в одно, то в другое боковое ущелье.

Вот, например, Военно-Грузинская дорога (из Владикавказа в Тифлис 220 км). Обычно ее проезжают или проходят либо «одним махом», либо, в лучшем случае, с одной или двумя короткими и общеизвестными экскурсиями в сторону от шоссе. Между тем, здесь включены десятки интереснейших ответвлений от основного маршрута. Такие ответвления возможны, разумеется, и с любой горной дороги или тропы. На примере Военно-Грузинской дороги мы и хотим показать, как можно разнообразить путешествие в горах. Нужно только захотеть, нужно только уметь отказаться от проторенных дорог, находить новое, свое. Возьмите карту местности, где пролегал ваш маршрут: карта расскажет вам много нового и неожиданного.

Выступать из Владикавказа лучше, конечно, рано утром. В первый день легко можно пройти до селения Ларс Старый (около 30 км).

На другой день надо пройти 3 км до бывшей станции Ларс, где проходит граница Грузии и откуда начинается Дарьяльское ущелье. Около двух км ущелье так узко, окружающие его скалы так высоки, что над головой видим только небольшой кусочек неба; говорят и пословица — «небо покажется с овчинку», — сложилась о нем. Затем, в том месте, где ущелье становится шире, видна скала с остатком разрушенной стены — это так наз. «Замок царицы Тамары», в котором она никогда не жила, да и жить не могла, так как это просто была крепость, охранявшая Дарьял. Внизу, на берегу Терека, находится бывший казачий сторожевой пост, а ближе к скалам расположился грузинский духан; здесь можно отдох-

нуть, чтобы с новыми силами идти уже в сторону от шоссе — в Кистинское ущелье, из которого вытекает речка того же имени, бросающая свои поразительно белые волны в мутный Терек, как раз против «замка Тамары». В это ущелье можно сделать две прогулки — однодневную и двухдневную.

Однодневная даст возможность пройти только до поворота ущелья на юг, а двухдневная, или еще лучше трехдневная, даст возможность побывать и на леднике Кибша, с которого берет свое начало р. Кистинка.

Мы покидаем Дарьял и идем по правому берегу Кистинки.

С правой стороны — Кистинка с своими то матово-белыми, то блестящими как серебро и отливающими синевой водами, образующими множество небольших каскадов, а с левой — живописно разбросанные группы камней, поросших мхом, ягодными кустами и березками, между мягкой зеленью которых местами красиво выделяются темные сосны. Рамой для этих картин служат; справа — скалы, густо поросшие лесом, подступающим к самой воде и образующим даже местами островки между стремительными потоками Кистинки, а слева тянется хребет, отделяющий Кистинское ущелье от ущелья Джиратовского; местами хребет этот почти отвесно обрывается в ущелье.

Если же оглянуться назад, то во всем ослепительном блеске предстанет Казбек и Девдоракский ледник с речкой Кибша, впадающей в Терек. Видна и Военно-Грузинская дорога.

Тем, кто хочет в этот же день вернуться на дорогу, можно быть в ущелье часов до 6—7 вечера, так как по шоссе придется потом сделать еще три км, чтобы дойти по поселку Гвилеты. Там можно переночевать у Безуртановых — известных проводников на Казбек.

Тем же, кто идет дальше по Кистинскому ущелью, лучше сделать привал в пастушечьем становище у грузин.

Как раз против этого места по левому склону ущелья падает водопад Куру, образуемый речкой, текущей с ледника Куру и обрывающейся здесь в Кистинское ущелье. Водопад этот довольно большой, он падает несколькими уступами, и очень красив среди зелени берез.

Далее тропинка идет по склону, покрытому мягкой травой, довольно высоко над Кистинкой, капризные воды которой принимают здесь зеленовато-голубой цвет, напоминающий оттенок ледниковых трещин. На этом пути есть только один неудобный переход — через каменистую осыпь, но он очень незначителен. Наконец, ущелье делает поворот на юг. С правой стороны его появляются красивые очертания вершины Шино с ледником того же имени, а самое ущелье становится очень широким, и большая часть его покрыта осыпями, образующимися из боковых обвалов. Насколько в нижнем течении Кистинки ущелье мягко и игриво, настолько после поворота на юг оно становится суровым и величественным.

Тропа идет то по мягкой траве, то по камням, покрывающим дно ущелья, иногда рядом с самой речкой¹.

По пути есть небольшая пещера на правом берегу, куда заходят охотники: можно в случае

¹ В ущелье есть две тропы, но обе приводят в одно и то же место.

опоздания или непогоды заночевать и в ней. Но это уже очень близко от конца ущелья, куда и можно дойти в один день.

Здесь туриста со всех сторон обступят величественные горы, преградив ему дальнейший путь. Кистинка образует здесь снова несколько каскадов.

Слева возвышается куполообразная безымянная вершина, юго-западная сторона которой состоит из черных обнаженных скал, напоминающих лицо негра, с чела которого на северо-восток ниспадает снежное покрывало; складки этого покрывала, спускаясь в неглубокое ущелье, образуют там ледник. Ночевать приходится среди хаоса огромных камней, нагроможденных один на другой и образующих таким образом нечто в роде пещеры. Вследствие близости ледников, ночлег очень холоден, а потому необходимо иметь теплую одежду и по пути набрать сухих веток для костра.

На следующий день можно дойти до ледника Кибша, путь к которому идет по левой стороне ущелья. Он со всех сторон окружен довольно высокими вершинами, между которыми есть перевал и ущелье Сно.

На леднике долго останавливаться не следует, а вернувшись на место ночлега, надо отдохнуть немного и отправиться в обратный путь, чтобы засветло спуститься на Военно-Грузинскую дорогу и заночевать в Гвилетах.

Отсюда необходимо пройти в ущелье р. Гвилетки и полюбоваться водопадом, имеющим около 70 метров падения. Это займет 1 час, затем направиться к Девдоракскому леднику. Это займет всего один день, и ночевать можно опять в Гвилетах. Тропа, ведущая к Девдоракскому леднику, местами немного трудно проходима.

Про эту тропу кто-то и написал стихи: «Словно в сказке — путь на небо — это горная тропинка протянулась...». И, действительно, это замечательная тропа. Здесь под северными березками красуются сплошные заросли рододендропов с их белыми слегка розоватыми и желтоватыми цветами, собранными в пучок. Между ними пестреют анемоны, ветреницы и другие, несвойственные северу цветы. Тропа тянется 8½ км, но есть сокращение, которое вполне доступно всем; путь сократится на 1½ км. Сам Девдорак доступен. Отдохнув у его подножья, можно отправиться на лед. Тропа ясна почти до самого ледника, переход на который можно выбрать самим и дойти до чистого льда. Надо помнить только одно, что не следует увлекаться и идти по леднику к поперечным трещинам верхнего течения ледника. Там бывают обвалы, и уже один неосторожный турист погиб среди них.

К вечеру вы опять на Военно-Грузинской дороге. Теперь остается всего 8½ км до станции Казбек, которая находится в селении Степан-Уминда.

От станции Казбек есть много прогулок, и все зависит, каким временем располагает группа. Пожалуй, после похода на Девдорак и прогулки по Кистинскому ущелью надо дать себе отдых и провести день этот спокойно на ст. Казбек.

На другой же день с утра надо отправиться к Орцверскому, или, как неправильно его называют, Гергетскому леднику. Тропа к нему проторена очень хорошо, так как почти каждый день туда идут группы с экскурсионной базы Наркомпроса. На лед Орцверского ледника попасть труднее, чем на Девдорак, и освобождается он от снега позднее.

Возвратившись на шоссе и пройдя по нему от ст. Казбек до ст. Коби, можно еще от этой последней заглянуть в Трусовское ущелье вверх по течению Терека, вправо от шоссе. Трусовское ущелье имеет теснину более узкую, чем Дарьял, и если употребить на него двое суток, то можно, пройдя километров 16, повернуть в ущелье Суатиси. Ночевать можно в селении того же имени у осетин. Ущелье Суатиси производит незабываемое впечатление. Здесь в одно ущелье спускаются четыре ледниковых потока, благодаря чему оно богато водой, и р. Суатиси-Дон непроходима к вечеру. Можно любоваться ледниками из селения, а если очень потянет в самое ущелье, то лучше взять проводника. Если же туристы располагают только одним днем для Трусовского ущелья, то все же, пройдя от Коби теснину, стоит дойти до того места, где залегают известковые

Орцверский ледник. Слева - М. Преображенская.

Вершины Шино (3828) и Куру (4091)

—ПО ВЕЧНЫМ ЛЬДАМ

нужно знать о Кавказе

М. ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ

известное, несмотря на близость. Можно сто раз ехать на Кавказ—и каждый раз проходить по новым поразительным неожиданностям

туфы. Это очень интересное и красивое явление. Еще издали с левой стороны дороги виднеется что-то блестящее, то белое, то желтовато-розовое, это—туфы, которые вода, вытекающая из горы, откладывает здесь. Подойдя ближе; увидишь всю красоту этих известковых кружев, растилающихся на большом протяжении.

От Коби до Крестового перевала 8 $\frac{1}{2}$ км, а там ст. Гудаур и известный Млетский спуск. Обычно проезжают прямо дальше в Тифлис.

Но вот с Крестового перевала можно сделать большую и очень интересную экскурсию, к истокам Арагвы, к озеру Кел и через ущелье р. Лиахвы и Сба на перевал Колота-пас в ущелье р. Флагдона, при чем в конце концов можно перейти на Военно-Осетинскую дорогу и дальнейший путь продолжать уже по последней.

С Крестового перевала прекрасно видно глубокое ущелье р. Арагвы. Можно начать спуск к этому ущелью от так называемой 4-й казармы. Из ущелья снова начинается подъем по довольно хорошей тропе, проложенной зигзагами по крутому склону ущелья, между полями ячменя. Ночевать можно в пещере, которая находится на высоте 2200 метров. Она довольно большая, и вид из нее прекрасен: видна Военно-Грузинская дорога, станция Гудаур и селение Эрите. Переход от Крестового перевала до пещеры невелик.

После ночлега подъем опять идет по травянистому склону над ущельем Арагвы, богатой водопадами. Тропа приводит к ровной площадке, имеющей болотистую почву, по которой течет Арагва, составляясь из множества ручейков, так что определить, который самый главный из них, очень трудно. На площадке находится небольшое озеро полуовальной формы и с совершенно темно-зеленой чистой водой. Такая окраска воды часто встречается в горах. Озеро это носит название Шаудзуар (черный дзуар), так как подле него был дзуар (святылище-часовня), который, по существующей легенде, был разрушен царскими солдатами. Из этой котловины идет подъем в другую котловину, с левой стороны которой возвышается красивая темно-зеленая, почти черная вершина Шаудзуар-цуб, резко выступающая среди каменистых гряд. С этой второй котловины открывается уже вид на озеро Кел. Замечателен цвет этого озера. Окруженное со всех сторон горами, то каменистыми, то с зелеными откосами, оно особенно ласкает глаз своим матовым, бирюзовым цветом. К нему надо спуститься, так как оно лежит в большой котловине. Форма его напоминает французскую булку и длина приблизительно километра три, ширина же около 500 метров. Вокруг прекрасные пастбища, и можно рассчитывать застать здесь пастухов, которые очень гостеприимны. Здесь—ночевка.

От озера можно направиться в ущелье реки Лиахвы, для этого приходится делать спуск в юго-западное ущелье, с левой стороны которого возвышаются очень красивые вершины Фидархох и Шархицуб. В ущелье расположено селение Эримани. Надо перейти еще два перевала, при чем с последнего прекрасно видны снежные вершины Главного хребта. Чтобы достичь ущелья р. Лиахвы—первое селение в ущелье р. Лиахвы это—Бретсек-кау, или, как его еще называли мне, Ходз-кау,—здесь можно переночевать, но можно пройти и в очень большое селение Едесси, где есть великолепный нарзан, не уступающий Кисловодскому. Это было бы хорошее место для курорта—сосновый лес, горная речка, нарзан и чистейший горный воздух,—попасть сюда можно только верхом или пешком.

В горах бывает трудно добыть хлеба, и вот даже в этом большом селении я не могла купить ни хлеба ни сыру. Лавок нет, а так ни один горец хлеба не продает, это, они говорят, «стыдно», и вы должны ждать, пока вас угостят, а в дорогу опять отправиться без хлеба.

Вдали ущелье Лиахвы как бы замыкает горная снеговая цепь Брусамзели.

Из ущелья р. Лиахвы надо повернуть в ущелье р. Сба. У самого поворота в это ущелье расположено осетинское селение, имеющее у горцев плохую славу, так что ночевать тут не надо, а лучше идти до сел. Сба. Тем более, что ущелье Сба очень трудно для перехода, а через него-то и надо попасть на перевал Закки.

Я проходила это ущелье в августе. Ущелье за селением становится все уже и уже. С отвесных его боков спускаются снежные завалы, не тающие здесь даже летом и образующие мосты, часто очень опасные для перехода. Боковые скалы этого ущелья очень оригинальны, они то совершенно седые, то ярко красные от присутствия железистых источников, и на их отвесных стенах каким-то чудом торчат одинокие сосны и ели. Когда же оглянетесь назад, то картина совсем другая—мягкая и приветливая.

Это ущелье самый трудный переход из маршрута; бояться его не надо, но нужно быть осторожным и лучше иметь проводника.

Перевал Закки находится на высоте 3025 метров, и спуск с него к селению того же имени легкий по осыпи. Селение Закки очень богато. Здесь, между прочим, сохранился древний обычай омовения ног путникам.

В Закки надо ночевать. Следующий перевал—Колота-пас; высота его 3350 метров. Перевал Колота горы называют иначе, а именно: Хохесцер, так как крошечное селение Колота, состоящее всего из трех домов, по их мнению, не заслуживает чести дать название перевалу. Некоторые из них не знают даже о существовании этого селения.

На самом перевале есть маленький дзуар—часовня, в углубление которой, по мнению горцев, надо положить белую, т.е. серебряную монету, для благополучного перехода. Я пережила на этом перевале страшную снежную бурю, так как конец августа, пожалуй, и поздноват для этой местности.

Спуск с перевала—в ущелье р. Флагдона—легкий. С левой стороны; у подножия группы ледников Телли, или, как горцы их называют, Суар-цити (суар значи кислый),—много нарзанов. Само ущелье широкое и речка течет плавно; встречается много селений, и через Флагдон то и дело перекинуты мосты.

С левой стороны ущелья Флагдона есть селение Кора, и от него идет перевал на Военно-Осетинскую дорогу к селению Унал. Перевал очень интересный; на нем есть дзуар или, вернее, большая скала, совершенно одиноко торчащая среди ровной площадки. Здесь бывает большой праздник и сюда стекаются осетины со всех селений, как из ущелья Флагдона, так и Ардона.

Одно из селений Флагдона, именно Ходок у с, такое богатое, что один осетин отрекоремен-

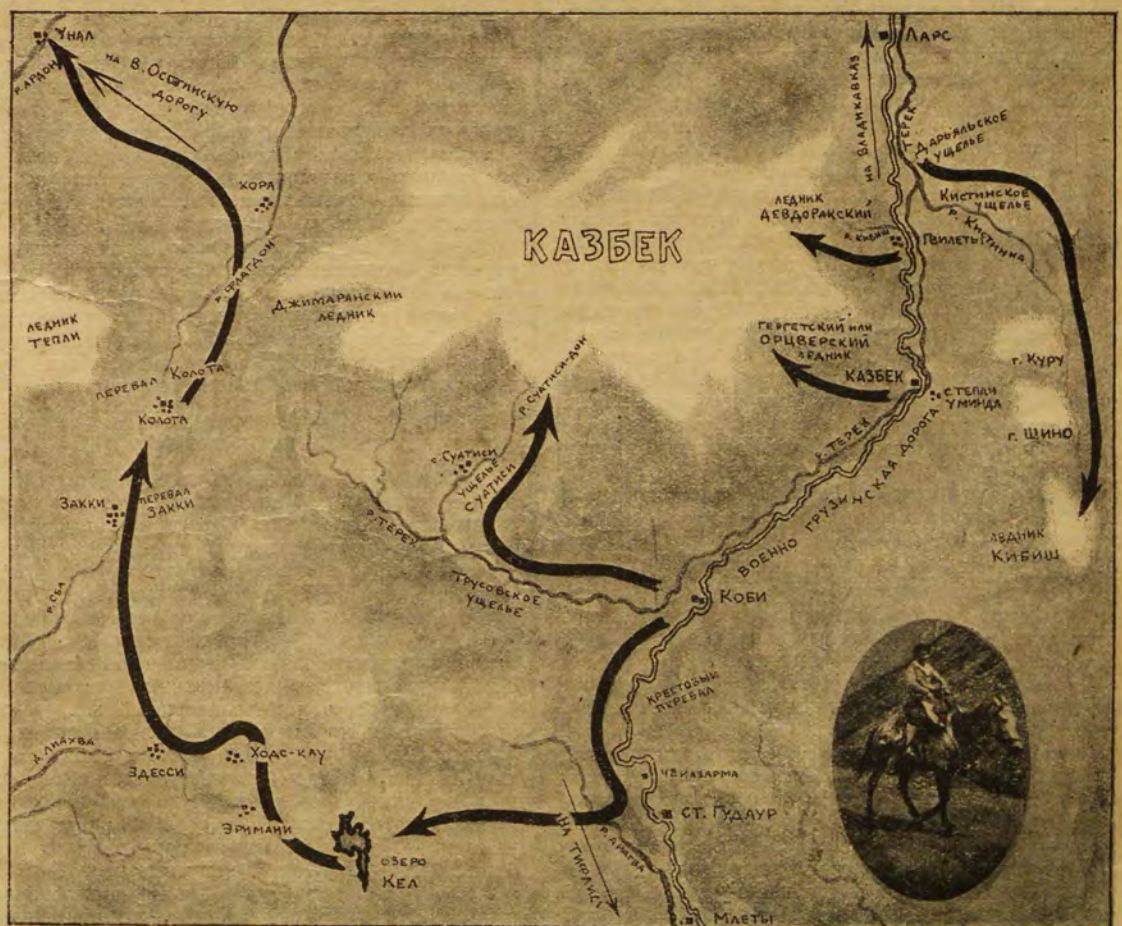
Речка Кистинка

довал его мне так: «знаешь, здесь народ франт, весь в калошах ходит и калым (выкуп за невесту) платит 1000 рублей». Здесь уже есть растительность, некоторые саки обсажены пирамидальными тополями.

Ниже, в селении Куртати-кау, есть надземные могильники, а в известняковых складах, по бокам ущелья, очень много интересных пещер.

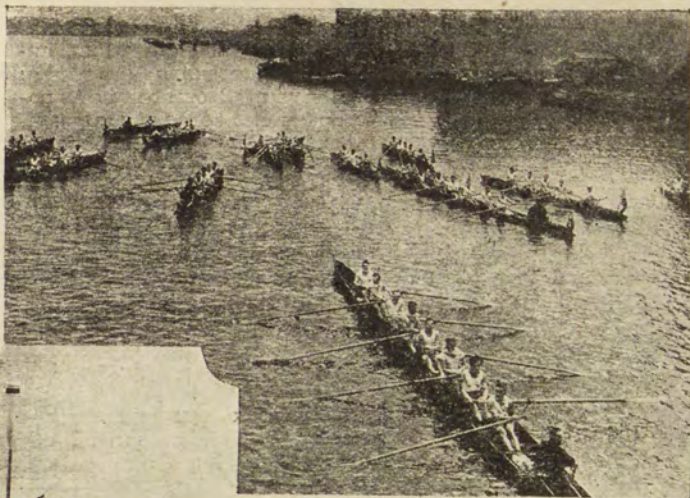
Вернуться можно по равнине к Владикавказу, или к станции Дарг-Кох, или же, наконец, продолжать путь уже по Военно-Осетинской дороге на Кутаис и оттуда в Батум—к морю.

Таковы некоторые из возможных ответвлений с Военно-Грузинской дороги. Побольше самостоятельности, побольше желания найти новое, неизвестное,—тогда турист сможет даже и на самом общеизвестном, «избитом» маршруте найти десятки новых и подчас неожиданных путей.

ПАРАД ГРЕБНЫХ СУДОВ

Германские рабочие сами изготовляют спортивные суда, ремонтируют их в своих мастерских, чтобы облегчить широкой массе возможность заниматься гребным спортом.

Спорт не аполитичен. Рабочие хорошо знают, какую роль в подавлении революционного движения играют буржуазные спортивно-гимнастические союзы.

Торжество спуска на воду новой четверки им. К. Либкнехта, принадлежащей Берлинскому рабочему гребному клубу показывает, какие задачи ставит перед собой рабочий спорт.

ГОНКИ ВОДЯНЫХ ЛОШАДЕЙ

В Германии в настоящее время увлекаются интересным водяным спортом—гонками на водяных лошадях. Они очень разнообразны по форме: начиная от маленьких лодочек, которыми надо управлять с помощью небольших весел, и кончая гладким обрубок дерева, на котором надо сидеть верхом и действовать руками и ногами, чтобы продвинуться вперед. Этот спорт широко распространился в окрестностях Берлина на реке Шельде, и десятки таких «водяных всадников» каждый день бороздят эту оживленную реку, шмыгая между лодками, баржами и парусными шлюпками.

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПРЫЖОК

Наша фотография дает интересный момент прыжка в воду. Танцующая пара с особого трамплина прыгнула в воду, пытаясь сохранить в этот момент свое положение в танце. В результате—та оригинальная комбинация поз которая создалась благодаря ненормальному исходному положению тела при прыжке.

ВОДЯНЫЕ ЛЫЖИ

Эти «водяные лыжи» хорошо было бы завести и у нас. Их очень нехитро сделать: два основных длинных и легких бруса, скрепленных между собой несколькими поперечными планками. Совсем не обязательно сидение: его сделать труднее, да оно и не представляет никакого интереса. Гораздо лучше иметь дело только с одними «лыжами», которые дадут возможность их обладателю добиться большой скорости и показать свою ловкость и устойчивость, особенно при резких поворотах.

Этот вид водяного спорта широко развивается в Англии.

Еще скрипит, марая половицы
Поповского жилья, разношенный сапог
Дежурного, и никому не спится,
Не спит и нервничает поп!

— Понатащили полный дом соломы ..
Там, где лежал вчера поповский пес,
Разлегся командир червонный,
В соломенных снопах упал, как сноп.

Однообразны гулы полевого телефона.
Да скрип запечного сверчка,
Да храп за стенкою поповны,
Да тень на потолке плеча:

У каганца читает наштадив «Паломник» —
Про житие юродов и святых
И думает свое: тут отдохнули кони
И переловлен враг в воротниках братьвы:

Три дня уж давим вшей.
Последнюю сенину,
Небось доел Орел досель».
(Орловский жеребец Туровского завода,
Черказдивизии всей).

Вдруг топот—ординарец Латдивизии
— Пакет из Штарма. Срочно. Примаку.
И светит поп, «последняя каприза»—
Лампадку, чтоб читать светлее казаку.

— Что за приказ?... Ура! Опять рейдисты
Итти на Льгов по Шкурковским тылам!
И мертвый дом вдруг вспыхивает жизнью;
Латординарец, взяв аллюр, откозырял

—Телефонист, передавай-ка телефонограмму!..
Машинка застучала. Наштадив,
Водя по карте красный путь, диктует
«В авангард бригаде!..»

Подтягивают пояса вожди.
К штабной квартире подскакали командиры,
Влетают: кончилось отлеживание боков.
Приказ написан. Точно в негативе
Предвиденья свои им излагает Примаков.

— Не оскандалимся. — Пусть эти дни запомнят
От сабель отлетает не верста!
— Шкурковским пополнением :— в погоны
Братву одеть. Галопом по частям!

1 Снежный рейд червонных казаков в
ноябре 1919 г.

Ш А Х М А Т Ы

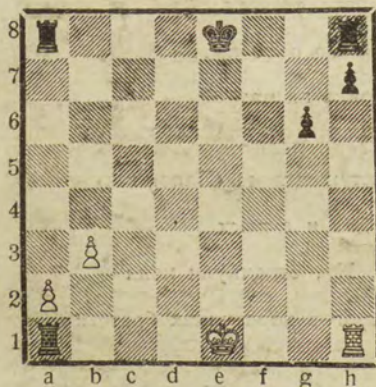
УГОЛОК НАЧИНАЮЩЕГО

(Продолжение, см. № 9 журн. Смена)

РОКИРОВКА

Из предыдущего видно, что ход делается одной фигурой, но есть одно исключение, когда один раз для каждого играющего допускается двойной ход, одновременно королем и ладьей. Такой ход называется рокировкой и заключается в том, что ладья придвигается на соседнее с королем поле, а король переносится через нее и ставится рядом. Рокировка в сторону полей f, g, h называется короткой, а в сторону — a, b, c, d — длинной. (См. диаграмму).

Черные

Белые

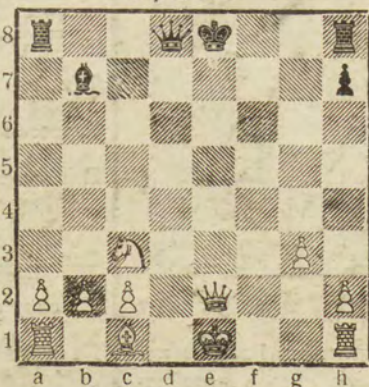
(Для белых и черных короткая и длинная рокировка возможна).

Рокировка разрешается лишь при условиях 1) если все поля между королем и ладьей свободны, 2) если ни король ни ладья не двигались со своего места, 3) если король не стоит под шахом и 4) если король

при рокировке не проходит через поле, находящееся под ударом неприятельской фигуры. (Смотри диаграмму).

Два последних правила на ладью не распространяются.

Черные

Белые

(Короткая рокировка возможна только для белых).

Для черных рокировка в данном положении невозможна, так как король (e3) стоит под шахом (белая Ф:2+).

ПАРТИЯ № 2

Играна в матче на первенство союза химиков в мае с.г. в Москве.

Сицилианская

Белые: Барулин. Черные: Вул.

1. e2—e4 c7—c5
2. Kb1—c3 e7—e6
3. Kgl—e2

Эта система развития в сицилианской партии, связанная с выходом белого слона на g2, становится за последнее время все более популярной.

3. Kb8—c6
4. g2—g3 Kg8—f6
6. Cf1—g2 Cf8—e7

Лучше, в свою очередь, занять слону большую черную диагональ, сыграв 5. . . g6 и Cg7.

6. 0—0 0—0
7. d2—d3 d7—d5

Едва ли хорошо, так как ведет к образованию слабой пешки на d5. Сolidнее 7. . . d6.

8. e4 : d5 Kf6 : d5
- Если 8. . . ed, то также 9. d4!
9. Kc3 : d5 e6 : d5
10. d3—d4

Закрепляя («блокируя» по выражению Нимцовича) слабую пешку d5.

10. c5—c4
- Лучше 10. . . cd 11 K : d4 C—f6 и т. д.
11. Ke2—f4 Cc8—e6
12. c2—c3 Fd8—d7

Черные уже вынуждены принимать меры к защите пешки d5. Грозило 12 Фf3.

13. Fd1—f3 Ла8—d8
14. Лf1—e1 b7—b5

Надеясь получить контр-шансы на ферзевом фланге, белые имеют, однако, форсированную комбинацию, ведущую к выигрышу.

15. Kf4 : e6

Смысл всего последующего маневра белых замечается в их 20-м ходе.

15. f7 : e6
16. Фf3—e2

На 16 Фg4 следует Лf5.

14. Лf8—f6
17. Cg2—h3 Kpg8—f7
18. Фе2—h5 Kpf7—g8

Все позы черных вынуждены.

19. Cc1—g5

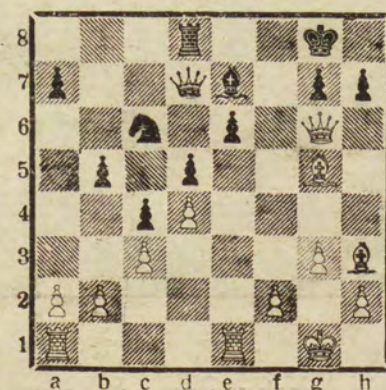
Черные должны теперь или отвести ладью от защиты пешки e6, или сыграть:

19. Лf6—g6

На что последовало:

20. Фh5 : g6!

Черные

Белые

(Положение после 20-го хода белых).

Черные сдались в виду возможного продолжения: 20. . . hg21 C : e6 + Ф : e6 22 Л : e6 и конь c6 остается под ударом.

Начиная с 11-го хода весь конец проведен белыми очень последовательно.

Издательство
„МОЛОДАЯ“
Москва,

ЦК ВЛКСМ
ГВАРДИЯ“
Новая пл., 6/8

НОВЫЕ КНИГИ:

Ипполит. Право на любовь. К дискуссии о половой жизни современной молодежи. Любовь в изображении П. Романова, Л. Гумилевского, С. Малашкина, А. Коллонтай и др. Точка зрения на любовь Ленина и Энгельса. Автор утверждает, что «чувство любви является большой, нужной и важной социальной силой», считает, что «Луна с правой стороны» — «здоровая реакция на царящее в литературе презрение к большому чувству», 79 стр. Ц. 40 к.

Малашкин, Сергей. Две войны и два мира. Роман. Первая из девяти книг романа. Россия 1905—1906 г.г., в частности Петербург. Из всех слоев общества вербуются новые революционеры — и пролетарии, и блестящий офицер, и генеральская дочь. Их переплетающиеся судьбы. Жизнь рабочих, январские события 1905 г., гапоновщина, подпольная работа, быт бюрократии и офицерства. Среди прочих действующих лиц выведен Победоносцев. Гл. IV. «Рассказ дедушки Трофима» — вводный эпизод о том, как наказали барина, жадного до девок, и как герой рассказа участвовал в событиях 1 марта. 269 стр. Ц. 2 р.

Платонов, Андрей. Епифанские шлюзы. Сборник повестей и рассказов. «Епифанские шлюзы» (Судьба английского инженера в России в эпоху Петра I). «Город Градог» (Сатира на провинциальных бюрократов и обывательщину в наше время). «Песчаная учительница» (Героическая работа советской учительницы в Средней Азии). «Иван Жох» (Ракокольники XVIII века и их потомки (в эпоху гражданской войны), и др. 287 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Стонов, Дмитрий. Сто тысяч. Повести и рассказы. Сто тысяч (Как случилось, что стотысячный выигрыш разбил жизнь мелкому советскому служащему). «Иван Иванович» (рассказ опытного шкурника о том, как он от империалистической и гражданской войны бегал). «Невзгоды» (письмо из провинции). «Дом» (история одной растраты). 199 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Золя, Эмиль. Карьера Ругонов. Роман. Перев. под ред. и со вступ. статей «Творчество Э. Золя» Б. В. Гимельфарба. Доп. ГУС'ом для школьных библиотек.

Небольшой город на юге Франции во время переворота 1851 г., когда президент Луи Бонапарт объявил себя императором Наполеоном III. Узнав о перевороте, тысячи рабочих и крестьян решили пойти в Париж на защиту республики. Карьера трусливого буржуа Пьера Ругона, при помощи хитрости и провокации разыгравшего роль спасителя города от восставших. История трогательной юношеской любви рабочего Сильвера и батрачки Миэты, погибших во время восстания. 303 стр. Ц. 1 р. 50 к., в папке 1 р. 75 к.

Леман, Траугот. Белая чума. Роман из жизни современной Германии. Перев. с немецк. Н. И. Явие. Фашистские организации, мстящие смертью своим изменившим или хотя бы усумнившимся собратьям. Мрачные тайны «Черного рейхсвера». Мужественная борьба и необычайные приключения адвоката Бирнбаума и его товарищей коммунистов, разоблачающих преступления офицеров-фашистов. 231 стр. Ц. 1 р. 35 к.

Красивой девушке. Стихи Иосифа Уткина, Александра Жарова и А. Безыменского.

Стихи трех поэтов-комсомольцев о девушках и о любви. О веселых, ясноглазых подружках, о славных девушках-товарищах, о боевых комсомолках и о «чужих» — тех напудренных и накрашенных красавицах, которых «мы девушками не считаем». Уткин: «Канцеляристка». «Ночь у ручья». «Свидание» и др. Жаров: «Письмо любимой». «Стихи красивой девушке». «Подруги» и др. Безыменский: «О девушках». «Товарищ Маня» (из «Комсомолки»). 63 стр. Ц. 50 к.